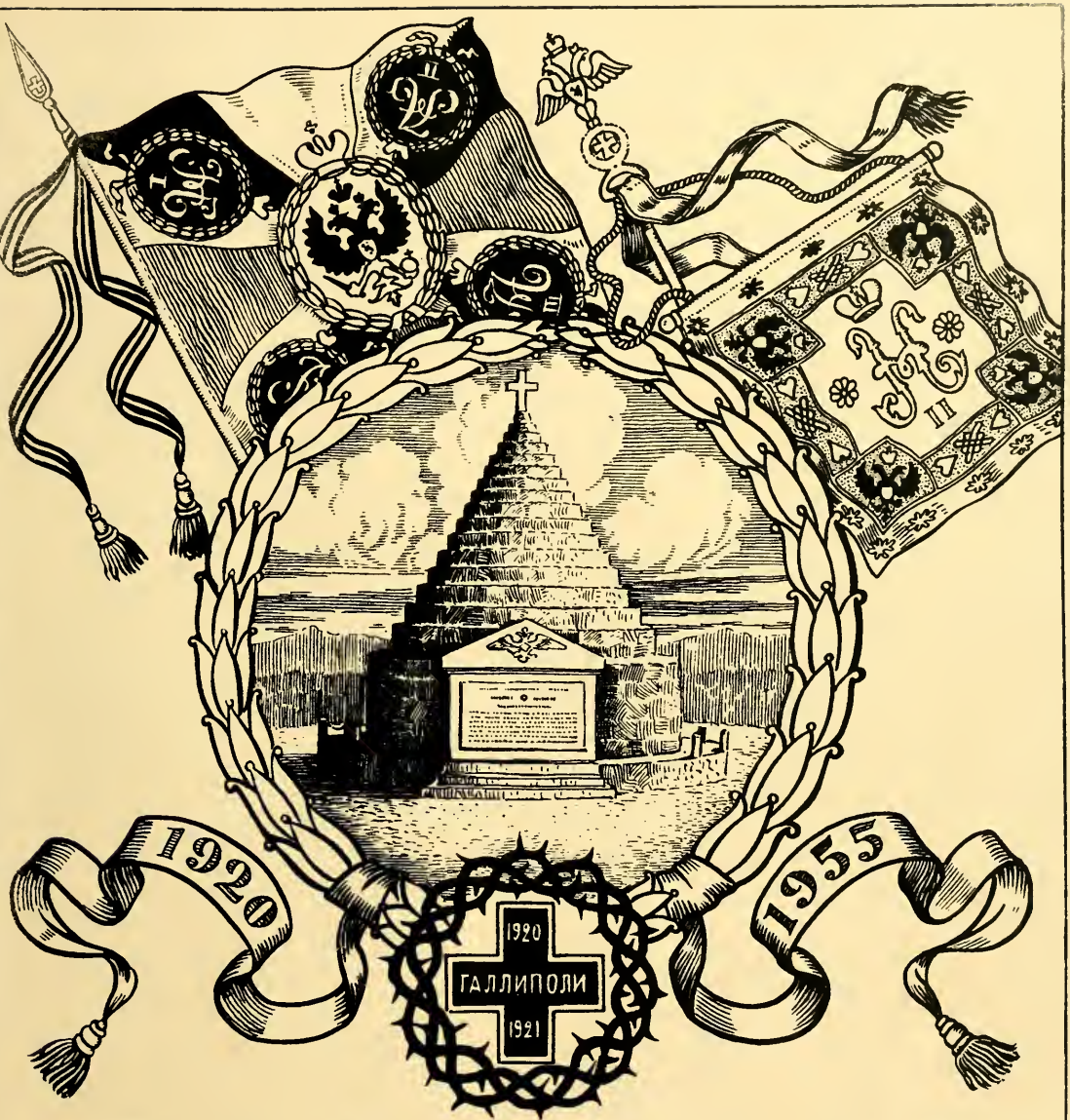


ГАЛЛИПОЛИ

ГАЛЛИПОЛИ

АЛЬМАНАХ-ПАМЯТКА-БИБЛІЯ

Юбилейный
Альманахъ-Памятка
изданный къ 35-ти летию
пребыванія въ Галлиполи
Русской Арміи

1920 – 1955

ХОЛИВУД, КАЛИФОРНІЯ

РИСУНОК ОБЛОЖКИ - дар Галлиполийцам художника К.К.КУЗНЕЦОВА.

ПЕРЕСЪЕМКА ФОТОГРАФИЙ НАШИХ ВОЖДЕЙ - дар Галлиполийцам фотографа Г.Т.КРАЙНЮКОВА.

РИСУНОК ЗАГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ - дар Галлиполийцам Г.КАРАТАЕВА.

ПЕЧАТАНИЕ АЛЬМАНАХА - дар Галлиполийцам О.Я.НЕТАЕВОЙ.

АЛЬМАНАХ-ПАМЯТКА напечатан в типографии журнала "РОДНЫЕ ДАЛИ".

ВСЕМ, ПРИШЕДШИМ НАМ НА ПОМОЩЬ, и РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА "РОДНЫЕ ДАЛИ", много содействовавшей быстрому и аккуратному выпуску нашего АЛЬМАНАХА-ПАМЯТКИ, Правление Калифорнийского Отделения Общества Галлиполийцев ВЫРАЖАЕТ СВОЮ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ И ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ.

АЛЬМАНАХ-ПАМЯТКА составлен под редакцией

ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА
ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ

Технический Редактор - по поручению Правления О-ва Галлиполийцев - член О-ва

Инженерных войск Поручик А.А.ВОЛОШИН.

ЧТО ЕСТЬ В АЛЬМАНАХЕ - ПАМЯТКЕ.

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ НЕНУМЕРОВАННЫЕ СТРАНИЦЫ: Предисловие, Портреты Вождей Белого Движения, Оповещение о Вечере Галлиполийцев 25-го декабря 1955-го года.

Страница:

ГАЛЛИПОЛИЙЦАМ - Ксения Деникина - - - - - - - - - - - - - 1

ГАЛЛИПОЛИЕЦ - Николаевского Инжен. Учил. Юнкер Сумской 3

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ ЗНАМЕНА - Николай Агнивцев - - - - - - - 4

ЛЕМНОС И ГАЛЛИПОЛИ В ИСТОРИИ РОССИИ - А.Долгополов - - 5

К 35-ЛЕТИЮ "ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО СИДЕНИЯ" - Ген.Майор Булюбаш 7

СИЛА И СМЫСЛ ГАЛЛИПОЛИ - Галлиполиец, удостоверение № 69 8

"Эс-О-Эс" ("Спасите наши души") - Негритос - - - - - - 13

ИЗ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ - К.Лисицын - - - - - - - - 16

МЫ - ПЛЕННЫЕ ОРЛЫ - Галлиполиец Поручик Гурьев - - - - 17

1920-й ГОД - А.Волошин-Негритос - - - - - - - - - - - 18

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ПАМЯТНИК - Б.П.Есипов - - - - - - - - - 20

НАША НЕПРИМИРИМОСТЬ - Галлиполиец-Доброволец - - - - - 23

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТ. АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС - Кадет 24

ГЕНЕРАЛ А.П.КУТЕПОВ - Ген.Лейтенант Харжевский - - - - 25

ЛАВРУ КОРНИЛОВУ - Иван Савин - - - - - - - - - - - - - 28

ДОНЦЫ И ДРОЗДОВЦЫ - Генерал М.Поляков - - - - - - - - - 29

МЫ УХОДИЛИ - Генерал А.И.Деникин - - - - - - - - - - - 32

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (Памяти Генерала Маркова) - Е.Ковалевский 33

ГАЛЛИПОЛИ - Б.Н.С. - - - - - - - - - - - - - - - - - - - 34

ИЗ ЖИЗНИ КАЛ.ОТД. О-ВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ - Правление О-ва - 35

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАЛ В ГАЛЛИПОЛИ - Ген.Профессор И.С.Свищов 38

ГАЛЛИПОЛИ - ЛЕМНОС - ЧАТАЛДЖА - БИЗЕРТА - Б.П.Е. - - - 41

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ - 45

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ

приглашает соратников, друзей, знакомых и всю Белую Русскую Колонию Лос Анжелеса, Холливуда и их окрестностей на

К О Н Ц Е Р Т - Б А Л Г А Л Л И П О Л И Й Ц Е В,

который состоится 25-го ДЕКАБРЯ 1955 ГОДА во всех помещениях АУДИТОРИИ, находящейся при Сирийской Православной церкви Лос Анжелеса - 2 3 0 0 в е с т Т Р Е Т Ь Я у л и ц а.

Весь чистый сбор пойдет на ПОМОЩЬ НАШИМ СОРАТНИКАМ-ИНВАЛИДАМ ГАЛЛИПОЛИЙЦАМ, проживающим в странах Великого Русского Рассеяния за рубежами нашей порабощенной РОДИНЫ.

Разнообразная программа при участии популярных артистов, в которой любезно согласились принять участие:

В. Л. О Р Д Ы Н С К И Й - концертный пианист.

Л. Д. Ч А Р Е С С К А Я - оперная певица.

М О Л И О Ш А Р О Н - оперный певец.

М И Х А И Л П А Н А Е В - балетмейстер и танцовщик.

И Р И Н А К О С М О В С К А Я - прима-балерина.

Ш А Н О Н Г Е Л Ь С И Н - пианист.

Конферансье - А. А. В О Л О Ш И Н.

- - oOo - -

НЕ ИСКЛЮЧЕНА ВОЗМОЖНОСТЬ "СЮРПРИЗОВ" - ЭКСПРОМПТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НАШИХ Г О С Т Е Й - А Р Т И С Т О В.

- - oOo - -

НЕБЫВАЛО БОГАТАЯ ЛОТЕРЕЯ с оригинальными ценными выигрышами! ЗА 10 СЕНТОВ - присутствующие могут выиграть: ДВА бесплатных ужина в лучшем холливудском русском ресторане "БУБЛИЧКИ", ТРИ ДНЯ ВАКАЦИЙ на "Озере Больших Медведей" в лесном доме Т. и Е. Чарских - БЕСПЛАТНАЯ комната для двоих, ГОДОВУЮ подписку на журнал "РОДНЫЕ ДАЛИ", ДВА ценных подарка из аптекарского магазина г-жи СТЕРН - по выбору выигравшего, ДВА бесплатных ужина из нашего БУФЕТА, 2 книги "НА ПУТЯХ И ПЕРЕПУТЬЯХ" А.Волошина-Негритоса, оригинальный "Этюд" художника С.Р.БОНГАРДА и много других выигрышей.

- - oOo - -

Прекрасный недорогой БУФЕТ и БАР. ТАНЦЫ до двух часов ночи.

ВХОДНАЯ ПЛАТА - 2.00 и 1.50 долл., включая в эту цену резервированное место за столиком.

П Р Е Д И С Л О В И Е.

Наш "Альманах-Памятка" называется " "Г А Л Л И П О Л И" и носит подзаголовок: "Лемнос, Чаталджа, Бизерта".

Такое название мы выбрали потому, что все эти места были последними пунктами, в которые по воле злой Судьбы была заброшена наша доблестная Русская Армия перед своим вынужденным "распылением".

В нашем "Альманахе" мы помещаем статьи не только о пребывании там Русской Армии, но и о Добровольческом Движении вообще.

Название пустынного полуострова "Галлиполи" с той поры сделалось символом нашей жертвенности, наших страданий и нашей непримиримости. Потому-то и общество наше называется Обществом Галлиполийцев.

Статьи, помещенные в этом "Альманахе", напомнят читателям о зарождении Белого Освободительного Движения, о месяцах радостных побед и о горестных днях нашего отступления и отхода Русской Армии в Крым.

В этом "Альманахе" читатель найдет воспоминания участников Белой Борьбы о том, как нам в 1920 году пришлось покинуть Родину лишь потому, что наши вчерашние союзники - французы и англичане - не только не поддержали нас, но и п р е д а л и нашу Армию, показав миру яркий пример человеческой н е б л а г о д а р н о с т и. Ведь в те годы они эгоистично забыли все: и спасение русскими Парижа, и жертвы, понесенные нами в Мазурских болотах, и тысячи трупов доблестных Сибиряков, прямо из вагонов, привезших их в Варшаву, бросившихся в бой, чтобы отстоять Варшаву, и то, что только жертвенность Русской Армии спасла их - союзников - от окончательного поражения в годы первой Великой Войны, участниками которой были почти все чины Добровольческой Армии - Вооруженных Сил Юга России.

Этот "Альманах" напомнит нашим сверстникам, непосредственным участникам боев с красными захватчиками, и о тех днях радости, ко-

гда наши сердца были полны светлой надеждой, когда мы шли "НА МОСКВУ", твердо веря в близкое освобождение Родины, и о днях глубокой грусти и горького разочарования в людской порядочности... А наша молодая "смена", прочитав этот "Альманах", познакомится с теми подвигами своих отцов и дедов, которые уже перешли в историю Борьбы за Белую Идею и заняли в ней Почетные Страницы.

Мы - в добровольном изгнании. Но долгие годы нашего вынужденного пребывания на чужбине - не сделали из нас "б е ж е н ц е в", не заставили нас "опустить руки"! Мы остались до сегодняшнего дня непримиримыми п о л и т и ч е с к и м и э м и г р а н т а м и и наша борьба с мировой красной опасностью - п р о д о л ж а е т с я!

Жизнь в непривычной обстановке и в чужих странах заставляет нас тяжело работать. Мы - чины Старой Русской Армии - сильно постарели. ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ лет - это огромный срок!.. Многие из нас уже ушли туда, "откуда нет возврата"... И многие - увы - уже "накануне ухода"...

Но мы - Р у с с к и е!.. И выпуская этот "Альманах-Памятку", мы попрежнему верим в бессмертную творческую силу Русского Народа! Мы верим в то, что Красный Хам - не будет царить вечно на Святой Руси. Верим и в то, что уже близок светлый час возрождения Единой, Неделимой, Великой и Свободной от коммунистического гнета - Р О С С И И!

Массовое бегство из-за Железного Занавеса русских, ищущих свободы, и то, что рассказывают новые беглецы из СССР, - показало и нам, и всему миру, что ненависть Русского Народа к красным поработителям - р а с т е т с к а ж д ы м д н е м!

Не секрет и то, что на нашей Родине, даже в концентрационных лагерях каторжного, принудительного труда - в с п ы х и в а ю т в о с с т а н и я!.. "ПЕТУХИ ПОЮТ НА СВЯТОЙ РУСИ!.. СКОРО БУДЕТ СВЕТ НА СВЯТОЙ РУСИ!"..

Р е д а к ц и я.

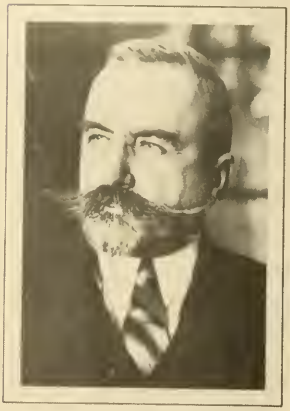
ГЕНЕРАЛ
КОРНИЛОВ

ГЕНЕРАЛ
АЛЕКСЕЕВ

АДМИРАЛ
КОЛЧАК

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ДЕНИКИН

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВРАНГЕЛЬ



ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МИЛЛЕР

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МАРКОВ

ГЕНЕРАЛ
КУТЕПОВ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ДРОЗДОВСКИЙ

Г А Л Л И П О Л И Й Ц А М.

Начну со слов генерала Деникина, напечатанных в первом галлиполийском сборнике - "Живым и гордым", в 1923 году.

"На тернистом пути Добровольческой Армии было три этапа: Орел - ее слава; Новороссийск - ее несчастье; Галлиполи - ее испытание.

На всех этапах развевалось трехцветное знамя. Оно двигало на подвиг, оправдывало жертвы и будило надежды.

Этот символ Родины неотделим от Армии. В нем - ее смысл, духовная сила и будущее.

Генерал Деникин."

С тех пор прошло много лет. Десятки лет...

Я не была в Галлиполи, но я вас помню еще в Новочеркасске, Ростове, Екатеринодаре. Какие мы все тогда были молодые, сколько было веры, горения и сил! И надежды...

Вот -- "Детский батальон", так звали мы отряд ген.Боровского. Я видела, как он производил "учение" своим "воинам", которые делали вид, что им 16 лет. А выправка часто была длиннее воина. И эти лица! Не только безусые, юношеские, но просто ребячьи. И как старались они петь басом, когда шли в строю по улицам Ростова:

"...В нас дух отцов - богатырей
И дело наше право,
Сумеем честь мы отстоять,
Иль умереть со славой."

И многие умерли. С честью. Усеяв костьми своими русские просторы от Орла до Владикавказа, от Волги до Днепра. Под бескрестными могилами...

Тогда, совершив Первый Поход, когда "каждый день был на грани жизни и смерти", они сразу возмужали, даже выросли. В "Очерках Русской Смуты" ген.Деникин рассказывает:

"В Успенской, в первый раз, мне удалось собрать часть Армии на смотр. Одежда в заплатах. Загорелые, обветренные лица. Открытый доверчивый взгляд. Трогательная простота и скромность, как будто не ими пройден путь крови, страданий и яркого подвига.

Я говорил им о славном их прошлом, о предстоящих задачах Армии, о надеждах на спасение Родины. И чувствовал, что слово идет от сердца к сердцу."

Когда я опять увидела их на станции Мечетке - это уже были стройные воины. Они видели смерть вблизи, умели воевать и знали грозную опасность, которая им угрожала. Но такие, все же, юные... Это про них написала поэтесса (имени не называю, так как не знаю ее судьбы):

"За то, что не клонишь взора ты,
За взгляд ребенка,
За то, что под низким воротом
У тебя - иконка;
За стан твой, как у царевича,
И за походку,
За смех и за рот твой девичий,
За голос четкий;
За крестик из белой эмали,
Эмблему чести -
"Они" бы тебя расстреляли
На месте."

А русские девушки, силою страшных обстоятельств одевшие "воен-

ные мундиры" и взявшие оружие в руки:

"... Их было двадцать семь.
В штыки и в смерть ходили, как на счастье.
Под кринолином ледяным им всем
Мать-Богородица дала свое причастье."

И юнкера, студенты, офицеры, седые генералы. Чьи грехи шли они искупать, за чьи ошибки платили своею жизнью? Какое чувство собрало их сюда, где смерть грозила со всех сторон?

Не материальные выгоды, не честолюбивые расчеты, не партийные догматы, не классовые интересы. Ничего этого не было в нищей армии, возникшей в глухом углу, отрезанной от всего мира. Было одно - любовь к Родине и стремление спасти ее.

И когда теперь, с усердием, достойным лучшего применения, Белое движение травят со всех сторон и обливают клеветой его вождей: слева - те, которые подожгли дом, не сумев предвидеть размеров пожара, справа - те, которые спрятались в опасный момент, не оказав помощи; то вы можете им ответить, что не про них наши потомки "сказки расскажут" и наши поэты "песни споют". А про тех, кто встал на защиту России в горькую годину ее бедствий.

"...Вы болели душою о крае родимом,
Вы хотели, чтоб знамя развернулось выше.
Но от низа весь дом уже вспыхнул до крыши,
И предатели честь вашу делают - дымом.
Вы ленивых позвали на битву и труд,
И за это вам - суд.
... Потому что отцовский вы край защищали,
Потому, что вы мыслили мыслью героя,
Потому, что хотели вы честного боя,
Имена смельчаков занесутся в скрижали.
И правдивая совесть отвергнет вину
Тех, кто знамя вознес в вышину."

К.Бальмонт

Многие стихийные причины помешали успеху Белых армий. Во всем этом разберется история.

Последние Белые воины ушли с Родины, сделав все, что было в человеческих силах. Ушли в ореоле легенды, которая останется в поколениях, как осталась слава крестоносных рыцарей, хотя и они не победили...

- о -

И раскидало нас по всему лицу земли.

Вот, получаю письма: из Аргентины - от семьи генерала Алексеева, из Египта - от дочери генерала Маркова, из Канады - от вдовы Текинского офицера, из Австралии - от Первопоходника, из Венецуэлы - от полковника, старого добровольца, из госпиталя о-ва Кубы - от бывшей сестры милосердия, из дома для престарелых в Швейцарии - от бывшего лихого кавалериста, и из Франции, Бельгии, Англии, Австрийских лагерей, Американской провинции. И эта перекличка через всю планету говорит все о том же. О том, что не угас наш Добровольческий "белый" дух. И не угаснет до смерти.

В заключение приведу одно из самых последних обращений генерала Деникина к своим соратникам:

"1917 - 1942".

Четверть века тому назад Россия подпала под власть большевиков. И четверть века тому назад мы - Добровольцы подняли оружие про-

тив большевицкой власти - жестокой, аморальной, все опоплящей, разорлющей и разлагающей. Наше Добровольческое движение в свое время послужило тем оплотом, который предохранил Европу и весь мир от затопления красной волной. Оно было самым ярким, самым чистым воплощением борьбы ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ. Ибо тернистый путь его отмечен смелым дерзанием, высоким подвигом и несчетными могилами павших за Родину. Ибо оно, и только оно одно, не преследовало никаких эгоистических целей: ни политических "самоопределений", ни бытовых привиллегий, ни социальных домогательств, ни экономических выгод.

Бог не судил нам успеха, мы не достигли цели. Потому, главным образом, что были одиноки. И у себя, и во вне...

Но теперь мы уже не одиноки, в области русского национального самосознания, среди народной массы России. Если существует советский режим и советская власть, то нет советской доблести, а есть РУССКАЯ доблесть - извечная, неугасимая. И нет советского народа, а есть РУССКИЙ народ - великий в вековых путях своих, и в своей прежней славе, и в нынешнем своем несчастьи.

Да будет же благословенна Земля наша родная - и в славе, и в убожестве своем. И да поможет нам Господь увидеть над нею рассвет.

Генерал Деникин."

Ему Господь не судил...
Он похоронен здесь, в Америке.
Дай Боже вам всем узреть нашу Родину свободной!

Ксения ДЕНИКИНА.

- - oOo - -

Г А Л Л И П О Л И Е Ц.

Я тот, кто духом вечно молод,
Я тот, кто должен победить,
Кто, несмотря на гнет и голод,
Вождя не может не любить.

Я тот, кто гордо, средь проклятий,
Глумленья, смеха и угроз, -
Священное для нас Распятье
В толпу неверующих нес.

Я тот, кто Красному Разгулу -
Лишенья Сенлки предпочел
И вместе с кролечным "Лукуллом"
К брегам изгнания пришел.

Я тот, - кого Россия первым
К себе - воскресни - позовет
И сыном добрым, сыном верным, -
В уста целуя, назовет.

СУМСКОЙ.

(Юнкер Николаевского Инженерного училища)

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ ЗНАМЕНА.

Я приехал в Берлин в апреле 1921 года. Одновременно со мною попал туда и автор книги стихов "Блистательный Санкт-Петербург" Николай Яковлевич Агнивцев, с которым меня связывали долгие годы искренней и теплой дружбы.

Остановился он у меня, и несколько месяцев прожили мы вместе.

В это время я постоянно получал письма из Галлиполи, куда была эвакуирована наша доблестная Русская Армия.

Мои соратники-корреспонденты описывали мне свое "галлиполийское сидение", и один из них написал мне о старых Русских Знаменах, которые удалось вывезти из Крыма.

Агнивцев читал все эти письма, и особенно сильное впечатление произвело на него письмо о Знаменах.

Помню, как, шагая по комнате, он говорил:

- Знамена... Старые Русские Знамена... Седая слава героической Русской Армии - в изгнании... Сколько в этом щемящей грусти, и в то же самое время - сколько в этом красоты... Где только не побывали эти знамена, где только они не развевались!.. Знамена!.. Немые свидетели русской доблести, незабываемых подвигов, неувядаемой русской славы!..

Потом Агнивцев сел к столу и начал что-то писать...

Я не мешал ему разговорами, чувствуя, что к моему старому другу пришла минута вдохновения.

А через полчаса он читал мне свое новое стихотворение о Русских Знаменах в галлиполийском изгнании...

В собрание его сочинений оно не вошло, но у меня сохранилась копия. Вот этот торжественный гимн, написанный Н.Я.Агнивцевым 34 года тому назад:

Отдав последний свой парад,
Без ропота и стона, -
В галлипольском изгнаньи спят
Российские знамена.
И снятся им - в пыли чехла -
Средь дней франко-английских -
Былые, славные дела
Великих дней Российских:
И Лев Британский, что хвостом
У ног вилял все ниже,
И Наваринских пушек гром,
И взятие Парижа,
Когда, как нищенка в посту, -
В те времена иные -
Ломала палку за версту
Европа пред Россией...
Велик былым величьем сон,
И велико страданье
Российских свернутых Знамен -
В галлипольском изгнаньи...
Но будет день, и будет пир, -
Веселый и бессонный,
И вновь собой покроют м и р
Российские Знамена!..

Агнивцев свято верил в это. Он был настоящий и искренний Русский Патриот. Он беззаветно любил Россию и буквально "был влюблен" в свой родной, туманный Санкт-Петербург, в котором он родился и вырос, и который он называл "Гранитным Барином"!..

Он часто возвращался мыслью к Русским Знаменам в галлиполийском изгнании и не раз говорил мне:

- Бог даст - дожиру до падения большевиков и увижу торжественный парад в Санкт-Петербурге! Парад, на котором впереди нашей бессмертной Русской Армии, вернувшейся из добровольного изгнания, - понесут сегодняшних узников Галлиполи - наши Русские Знамена! И тогда я смогу написать стихи, посвященные их славному возвращению на освобожденную Родину!

Увы... Поэт не дождался этого светлого и радостного момента...

Не уверен я и в том, что мы - старики-ветераны Русской Армии - дождемся этого.

Весьма возможно, что нам придется сложить наши кости в "неправославных гробах", на чужих кладбищах мира.

Но я свято и глубоко верю в то, что РОССИЯ - БЕССМЕРТНА, верю в то, что сотрется с нее кощунственное клеймо "СССР" и что наши дети в конце концов вернутся на Освобожденную Родину, которая опять сделается Великой и Могучей - Р О С С И Е Й!..

Поручик А.А.ВОЛОШИН.

ЛЕМНОС И ГАЛЛИПОЛИ В ИСТОРИИ РОССИИ.

Древний Геллеспонт - Дарданеллы - узкий пролив, который соединяет Мраморное море со Средиземным.

Ширина его доходит до 10 миль, местами он сужается до одной мили.

Через голый скалистый полуостров Галлиполи прошли все завоеватели древности. Развалины старинных укреплений сохранились до сего дня.

Здесь в 15 веке турки перешли из Азии в Европу, покорив Византию.

Здесь томились в неволе - в "кайданах" - пленные запорожцы, которых турки продавали в рабство всем, кому нужны были сильные, выносливые гребцы. Гребные флотилии турок, алжирских и тунисских беев, Сардинии, Франции, Испании и Англии имели гребцов - запорожцев и уроженцев Юга России, навеки прикованных к веслам.

Здесь появилась на свет песнь-плач пленных запорожцев - "Закувала та сива зозуля..."

Но не раз карающая сабля казаков-запорожцев заходила далеко вглубь вражеской страны, освобождая своих пленных братьев и беспощадно уничтожая своих врагов - предавая все огню и мечу!

Однажды запорожский атаман Сулема со своей флотилией лодок-чаек проплыл Дарданеллы и доплыл до берегов Испании!

- о -

Во время турецкой войны 1769-1774 г.г. Императрица Екатерина II послала три русские эскадры в Архипелаг и в Средиземное море, под командой графа Алексея Орлова. После Чесменской победы эскадра адмирала Спиридова заняла остров Лемнос и осадила турецкую крепость. Осада продолжалась более двух месяцев.

Пленные турки были освобождены великодушными победителями и вы-

сажены в Турции на свободу. Разрушив турецкие укрепления на острове, русские покинули Лемнос.

Русские эскадры блокировали Дарданеллы и не раз входили в пролив, обстреливая турецкие укрепления. Линейный корабль "Святослав", возвращаясь после блокады, сел на мель у Лемноса и разбился.

Уничтожение турецкого флота, занятие островов Архипелага и блокада Константинополя принудили Турцию просить мира, и в 1774 г. был заключен победоносный Кучук-Кайнарджийский мир, по которому Россия получила огромные земельные владения - река Кубань стала новой Русско-турецкой границей!

- o -

В 1798 г. эскадра адмирала Ушакова в союзе с турками воевала с Наполеоном в тех же самых местах Архипелага.

Семь Ионических островов, объявив себя независимыми, просили Императора Александра 1-го принять их в состав Российской Империи.

..В 1807 г. эскадра адмирала Сенявина заняла остров Тенедос и установила блокаду Дарданелл. 10-го мая 1807 года у берегов Галлиполи произошел Дарданелльский бой.

Корабли Сенявина - "Твердый", "Смелый", "Сильный", "Скорый", "Уриил", "Селафил", "Богоявленный", "Рафаил", "Ретвизан", "Ярослав", "Шпицберген" и "Венус", под жестоким огнем турецких береговых батарей, стройной кильватерной колонной вошли в пролив и разгромили турецкую эскадру Сеид-Али. Турки потеряли 2000 человек; несколько турецких кораблей вышли из строя.

Потери русских были: убитых 27, раненых 56.

- o -

19 июня у острова Лемноса и мыса Афон произошел Афонский бой.

Эскадра Сенявина - 10 кораблей с 754-мя пушками - разбила турецкую эскадру Сеид-паши - 20 кораблей с 1196-ью пушками.

300 матросов этой эскадры были награждены первыми знаками отличия военного ордена Св.Георгия, только что установленного для нижних чинов. (До этого времени орденом Св.Георгия награждались только офицеры).

- o -

В 1915 г. англичане, при помощи своего могущественного флота, высадили в Галлиполи огромный десант - с целью захвата стратегических Дарданелл и открытия пути в Россию.

Символически, головным кораблем, вошедшим в пролив, был крейсер "Аскольд" под Андреевским флагом.

После кровавой, безуспешной борьбы, потеряв 200.000 человек, англичане ушли, признав свое бессилие.

- o -

И вот, в 1920 году - Галлиполи был занят, без боя, Русской Армией генерала Врангеля.

А.ДОЛГОПОЛОВ.

- - oOo - -

Все - за одного, один - за всех!

Только смерть избавит тебя от обязанностей перед Родиной.

К 35-ЛЕТИЮ "ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО СИДЕНИЯ".

Много возникает в голове мыслей к этому дню. "Галлиполийское сиденье" или просто "Галлиполи" является одним из этапов жизни "Добровольческой Армии" - она же "Русская Армия" - со времени Крыма.

Многое можно было бы рассказать об этом периоде, но суть, ведь, не во многоглаголании.

Каждое событие в жизни народа или его армии должно быть назидательно и поучительно.

35-летие "Галлиполи". В тесной связи с ним находятся и "День основания Добровольческой Армии" (2/15 ноябр.) и "День Непримиримости" (25 окт./7 ноябр.). Говоря о "Галлиполи", нельзя обойти молчанием и двух последних дней.

Какое же назидание мы можем извлечь из всех указанных исторических дат?

Со всеми ними связан вопрос о Непримиримости. В Зарубежьи стало традицией почти повсюду отмечать "День Непримиримости", когда поминаются все павшие от крамолы и устраиваются торжественные траурные собрания, на которых выступает немало ораторов по вопросу о Непримиримости.

Дни же "Основания Добровольческой Армии" и "Галлиполийского сидения" отмечаются только воинскими организациями, да и то не всюду, хотя, казалось бы, эти дни заслуживают не меньшего внимания всех русских людей.

Непримиримость! К чему и к кому?

Непримиримость к "абсолютному злу" - сатанинскому большевизму и к его представителям - интернациональным большевикам-коммунистам.

В нынешнее время, как будто, неудобно даже поднимать вопрос "о непримиримости", ввиду того, что почти все вожди и правительства народов (исключая президентов Южной Кореи и Национального Китая) трактуют вопрос о "сосуществовании". Все они стремятся к "сосуществованию", что является настоящим безумием.

С чем и с кем "сосуществовать"?

С "абсолютным злом" и его "представителями"!

Это поразительно и граничит недоумение!..

Забыли вожди и правительства христианских народов слова Апостола Павла: "Не бывайте (удобь) преложни ко иному ярму, якоже неверни. Кое убо причастие правде к беззаконию? Или кое общение свету ко тьме? Кое же согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верну с неверными? Или кое сложение Церкви Божией со идолы?" (2 Коринф., У1, 14-16).

Понятие о Добре и Зле есть не только у христианских народов, а у всех без исключения.

Отсюда следует, что Непримиримость наша не должна никоим образом ослабляться, причем не должна ограничиваться лишь словами, а должна сопровождаться делами.

И вот - странное явление. В то время, как день захвата власти на нашей родине большевиками отмечается, день основания Добровольческой Армии игнорируется, а, ведь, созданием Добровольческой Армии народ русский проявил именно непримиримость свою к большевизму... и когда же? Спустя неделю по воцарении большевиков, иначе говоря - сразу же.

Если бы не была создана Добровольческая Армия для борьбы за свободу своего народа, то нам - русским - стыдно было бы смотреть в

глаза иностранцам.

Я уверен, что к дню 35-летия Галлиполи многие поделятся своими воспоминаниями о нем, а потому я и ограничиваюсь только этой краткой статьей.

Закончить ее хочется воспоминанием об открытии в Галлиполи 16 июля 1921 г. памятника с надписью на четырех языках (русском, французском, греческом и турецком):

"Упокой, Господи, души усопших! 1 Корпус Русской Армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920-21 г.г. и в 1854-55 г.г., и памяти своих предков - запорожцев, умерших в турецком плену."

На открытии памятника освящавший его протоиерей Сергиевского Артиллерийского Училища о.Феодор Миляневский, редкий духовный вития, произнес потрясающее по силе и содержанию слово, которое закончил обращением к крепким, сильным и мудрым, силой и мудростью которых должно воздвигнуться Русское Государство.

"Вы - крепкие! Вы - сильные! Вы - мудрые! Сделайте так, чтобы этот клочек земли стал русским, чтобы здесь современем красовалась надпись: "Земля Государства Российского" и реял бы всегда наш Русский Флаг!"

Да пошлет Господь силы здравствующим галлиполийцам работать на пользу страждущей нашей Родины!

Галлиполиец
Генерал-Майор БУЛЮБАШ.

СИЛА И СМЫСЛ ГАЛЛИПОЛИ.

Прошло 35 лет со времени "нашего Галлиполи". С тех пор в мире столько переменилось, что наши галлиполийские установки того времени уже, как будто бы, не имеют никакого реального смысла. Нет и самого Русского Галлиполи. Нет уже и того дорогого нам памятника, дела наших рук, который, казалось, надолго, - может быть, на века, - должен был бы символизировать нашу галлиполийскую мечту. Ее выразил тогда незабвенный творец Галлиполи, ген. Кутепов, в своей речи при освящении памятника, стоя на его ступенях.

Как медь, звучал тогда его пророческий, казалось, голос:

"Пройдут десятилетия, и грозные громады под Андреевским флагом, проходя этим проливом, будут грохотать своими орудиями, отдавая салют этому скромному памятнику!"

Прошли десятилетия, и памятник уже исчез, разобранный камень за камнем жителями; запаханы могилы русских героев-галлиполийцев; умучен наш вождь; на месте "Русского Галлиполи" давно уже опять "Голое поле"!

Но седовласые теперь воины Галлиполи, раскиданные судьбой по всему земному шару, не забыли его; и скромное Общество Галлиполийцев твердо хранит свое единство.

Казалось бы, нет оснований к такой живучести объединения лиц, формально связанных только тем, что 35 лет тому назад провели вместе один год в "лагере беженцев", в палаточном лагере, к тому же тяжелом, голодном, полном неудобств, болезней, фактической нищеты. В чем же дело? В чем причины нашей живучести?

А в том, что "не о хлебе едином жив будет человек". Хлеба-то нам не хватало в Галлиполи, но там был Д У Х - дух верности Роди-

не и любви к ней, растерзанной и люто страждущей, дух воинский, дух чести, воли и христианской морали...

Кто создал этот дух? Чем создан он?

Кто - ответ, для каждого галлиполийца очевидный: генерал Александр Павлович КУТЕПОВ! Чем? Т р у д о м. В Галлиполи не могло быть бездельников. Все работали, и работали созидательно. Кто не желал - переводился в... "беженский батальон". Что же создали?Ряд палаточных храмов, ряд церковных хоров. Огромное число учебных заведений: гимназию для детей, 5 военных училищ, 3 офицерские школы, Академический курс (для возобновления познаний студентов высших школ), всевозможные курсы... Несколько госпиталей, в том числе хирургический, где ставший знаменитым военный врач-хирург занялся сложнейшими операциями для излечения последствий старых ранений. Два театра (точнее - амфитеатра, вроде древне-греческих) с отличными труппами. Организованы интендантские учреждения. Построена конно-железная (точнее - муло-железная) дорога в 17 километров длиной.

В рядах "1-го Армейского Корпуса" оказались специалисты любых профессий: от университетских профессоров до известных артистов, певцов, музыкантов, инженеров, техников, писателей, журналистов, выдающихся ремесленников и т.д.

Все работали в Галлиполи, и все были горды своими достижениями.

В короткой статье невозможно описать и оценить все эти достижения.

Я остановлюсь поэтому только на одном вопросе - вопросе важнейшем для удержания и поднятия духа армии, потерпевшей полное крушение своих идеалов и волею судьбы уведшей за рубеж. Она могла обратиться в толпы демерализованных и опасных бандитов, но осталась православным воинством.

Станем на точку зрения ее врагов. Не тех, которые остались на Родине, а тех, кто, именуясь "союзниками", по существу были врагами.

На Черном море появилась плавающая без отечества и портов боевая эскадра, сопровождаемая более, чем ста транспортами, имеющими на себе стотысячную вооруженную армию людей, у которых выхода нет. Пищи нет, сзади смерть... Армия организована и имеет волевого вождя, который вынужден будет принять "крайние решения", если ему немедленно не помогут.*)

"Крайние решения"? Какие? В сущности, может быть, и не очень "крайние"... Разве, например, отказался бы Кемаль-паша получить эскадру, транспорты и стотысячную Белую армию? Но это могло повести к крушению многих "западных" планов на Ближнем Востоке.

Итак, Западный мир должен армию принять и как можно скорее распылить: рассовать ее по "голым полям", по "голым островам" вроде Лемноса, кормить арестантским пайком, благо таковой за много лет накопился на французских тюремных складах, а для соответствующего "воспитания", отвечающего задачам дальнейшего распыления, за неимением "Унры" или "Иры" (они тогда еще не были выдуманы), назначить сенегальские негритянские батальоны.

Но оказалось, что армия не желает распыляться, а высадившийся на "Голом поле" ее генерал никак не хочет обращаться в рядового

*) "Возможны крайние решения" - слова, которые пишущий эти строки лично слышал 4 ноября 1920 г. из уст генерала Врангеля на середине Черного моря.

беженца. Оказалось, что галлиполийские турки-магометане тотчас оценили его, как весьма им понятного и уважаемого, железного Кутеп-папу; греки, гордо державшие над Галлиполи свой бело-голубой флаг, начисто перед ним спасовали, а сенегальские черные стрелки определенно решили: "рус бон, рус ами"...

И, конечно, между оккупационным французским начальством и прибывшими подлежащими распылению "беженцами" начались "дружественные", "союзнические" взаимоотношения.

Вот несколько виденных мною лично случаев.

- о -

Поздним вечером холодного дождливого декабрьского дня пеший по главной улице "беженский" патруль из 4-х почти мальчиков - юнкеров Сергиевского Артиллерийского Училища встретил такой же патруль негров под командой сержанта-француза, тащивший какого-то человека. Человек этот, узнав в темноте, по отчетливому шагу, русских юнкеров, закричал:

- Юнкера! Спасите! Я русский офицер.

Портупей-юнкер что-то скомандовал; негры бежали, а офицер, оказавшийся избитым, был немедленно доставлен в русский штаб корпуса. Здесь он показал, что били его французы-сержанты, что с ним был другой офицер, но его успели увести во французский штаб.

Кутеп-папа реагировал немедленно: на чердак, где помещались офицеры Константиновского военного Училища, вбежал его адъютант:

- Командир Корпуса приказал: дежурную полуроту в Штаб Корпуса, бегом, с патронами. Офицерскую роту в ружье!

Через минуту выбежала полурота юнкеров, а в подвале уже выстроившейся офицерской роте (110 только что произведенных подпоручиков) раздавали пачки патронов.

Из Штаба Корпуса полуроту повел к французскому штабу сам начальник Русского Штаба, генерал. Шли рядами, отбивая шаг по грязному шоссе.

Широкая дверь в здании французского штаба, два негра-часовых по бокам.

- Левое плечо вперед, в двери!

С криком ужаса великаны сенегальцы бросили винтовки и бежали, один направо, другой налево.

Перед распахнутой дверью - освещенная лестница наверх. На лестнице пулемет и два пулеметчика. Перед лестницей - поперечный коридор. Захватывать "стреляющий пулемет" не пришлось: пулеметчики последовали примеру часовых.

- Рота, стройся влево! Марш!

- Рота! Стой! - Громко стукнуло об пол 40 прикладов...

Но уже сверху бежал полураздетый лейтенант и, пытаясь надеть на бегу мундир, кричал:

- Мон женераль, Мон женераль, - И дальше, вытянувшись, лепетал (в переводе на русский язык):

- Вы пришли за вашим солдатом? Мы очень благодарны вам. Он сейчас к вам выйдет...

- о -

В тяжелые "бразильянские" дни (галлиполийцы, конечно, помнят, что это были за дни) в порту случился инцидент, французов не касавшийся. Туда поспешил лично ген.Кутепов с адъютантом. Увидя его, французский лейтенант вызвал свой караул, преградил им улицу и прика-

зал взять "на-изготовку". Адъютант Командира Корпуса крикнул ему по-французски:

- Что вы делаете? Ведь это Командир Русского Корпуса!

А лейтенант, грубо и размахивая руками, ответил:

- Здесь нет ни корпусов, ни генералов! Я прикажу стрелять!

Генерал Кутепов спокойно и властно отчеканил:

- Дежурную роту Александровцев сюда бегом! Константиновцев в ружье!

Здание, занятое Александровским Училищем, было всего в нескольких шагах. Там сами заметили происходящее, и юнкера, хватая винтовки, уже бежали к генералу... Кутепов их останавливал около себя.

Неизвестно, что бы дальше произошло, но верхом прискакал подполковник Томассен, французское начальство в Галлиполи.

Отдавая честь генералу, он уже приносил извинение, даже не разбирая, в чем дело, и приказывал "глупому лейтенанту" убрать его караул...

Между тем, в 3-4 кварталах оттуда, Начальник Константиновского Училища, выслушав адъютанта, закричал:

- Трубач! Тревогу!

Юнкер-трубач выскочил на крыльцо, и по городку понеслись режущие звуки тревоги. Роты, бывшие на учебных занятиях, в несколько секунд разобрали винтовки и выстроились в своих подвалах (где жили и учились). Открылись ворота на внешний плац. И под звуки продолжавшей трубиться тревоги бегом, одна за другой, выбегали роты училища. Офицерский патруль для связи бегом исчез в сторону порта.

Население сбегалось смотреть, что происходит; среди народа - несколько солдат-негров и два французских офицера...

А картина продолжала разворачиваться.

На высокое крыльцо юнкера-пулеметчики выкатили 4 пулемета и тащили ящики с пулеметными лентами. Появился врач училища при оружии и с повязкой Красного Креста. За ним - ротные фельдшера-юнкера с такими же повязками и с санитарными сумками. Постепенно вышел офицер квартирмистр Училища с ротными каптенармусами, тащившими мешки с патронами, которые тут же, на глазах толпы, бегом раздавались по рядам, каждому юнкеру...

Около часа простоял батальон "смирно", не шелохнувшись. Наконец, появился опять адъютант Кутепова:

- Французы принесли извинение! Училище может продолжать занятия.

- о -

В мае отношения обострились уже не в Галлиполи, а в высоких штабах.

И неожиданно на улицах Галлиполи был расклеен французский приказ о "распылении беженцев" - совершенно безграмотный, на языке, похожем на русский.

Через несколько часов все эти объявления были покрыты "замечаниями" и "поправками", а то так и просто заклеены "приказами" обратного свойства, вроде ответа запорожцев турецкому султану.

Приказ был расклеен вторично, и к каждому его экземпляру поставлено по часовому-негру. Последние исполняли свои обязанности рьяно: не подпускали никого ближе 10 шагов к объявлению.

Вотще взывали русские шутники:

- Сережа*), я хочу лир, я хочу савуар!

*) "Сережами" русские называли негров, а последние весело им на это отзывались.

Но "Сережи" были неумолимы, при общем хохоте как"желавших прочитать", так и самих Сережей...

Но дело-то было серьезно: в порту появился миноносец, а ген. Кутепов отдал свой приказ...

Но об этом пусть расскажут другие.

Ценности на Константинопольской бирже катастрофически упали, когда пронел слух, что Кутеп-папа хочет взять столицу Востока!

- о -

Еще раз возник в июне вопрос о "беженцах" или "офицерах иностранной армии".

По городу шел русский полковник с женой, а за ними -- два французских лейтенанта. Один из последних стал громко оценивать русскую даму языком парижских апашей. Полковник остановился и на отличном французском языке объяснил, что его жена говорит по-французски,что она оскорблена, и потребовал извинения. Но лейтенант гордо заявил, что он может не только оскорблять, но и приказывать "беженцам", и что он арестует иностранца, позволившего себе делать замечания французскому офицеру. Полковник вихватил папку. Лейтенанты поспешно скрылись и, видимо, сочли вопрос исчерпанным

Но полковник поспешил в Штаб Корпуса, а оттуда - к старшему офицеру лагеря - ген.штаба генерал-лейтенанту Карцеву, а последний,неукротимый в вопросах чести и говоривший по-французски, как истинный парижанин, немедленно вручил подполковнику Томассену вызов полковника для передачи его обидчику.

- Но во французской армии дуэли запрещены, мон женераль.

- Но вы забываете примечание,что вызов офицера иностранной армии должен быть принят.

Томассен, конечно, не мог согласиться, но не отказал ген.Карцеву в визе в Константинополь, к Главнокомандующему на Востоке, ген. Франше д'Эпрэ. Последний, известный руссофоб, тоже отказал. Тогда Карцев послал телеграммы в Париж маршалам Франции Жоффру и Петэну. И через некоторое время пришло распоряжение, подтверждавшее примечание о вызовах французских офицеров на поединок иностранными офицерами.

Но, увы, виновный лейтенант оказался отбывшим к новому месту служения, в Индо-Китай...

- о -

И еще один случай, уже в июле.

Настал национальный праздник Франции - 14-ое июля. В этот день производится пожалование орденом "Почетного Легиона". Во французской армии награждаемых вызывают перед строй, и старейший из офицеров, кавалеров этого ордена, говорит слово о величии Франции и значении Почетного Легиона и, ударяя обнаженной саблей награждаемого по плечу, провозглашает его кавалером. (Средневековый обряд посвящения в рыцари).

В гарнизоне подполковника Томассена оказалось трое награждаемых. Но кавалеров - не оказалось ни одного.

И тогда он вспомнил, что у "беженца" Кутепова есть все, кто угодно. Есть и кавалеры "Почетного Легиона". И вот один из них, полковник русской кавалерии, говорил перед строем сенегальцев речь о величии Франции и своей русской папкой посвятил ее новых рыцарей.

- о -

Не победил ли Кутеп-паша гордых сынов Запада? Не он ли создал "галлиполийский дух"?

Да и не указал ли он и для будущего те методы, которыми надо пользоваться в трудных "дипломатических" случаях?

Три года сохранялась армия, несмотря на всевозможные ухищрения ее врагов. Три года российская эмиграция имела полную возможность сорганизоваться, имея уже готовый правительственный (в изгнании) аппарат и даже свою вооруженную силу.

И думается, что в те годы международного смятения вполне возможно было бы добиться какого-то дипломатически признанного статута.

Не наша, армии, вина, что российская эмиграция не пожелала воспользоваться делом генералов Врангеля и Кутепова, а поспешила погрязнуть в нелепом и смешном политиканстве.

ГАЛЛИПОЛИЕЦ, удостоверение № 69.

К "Вечеру ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ" 25-го декабря 1955 года.

S. O. S.

"СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!"

Посвящается всем Холливуд-цам русского происхождения.

"Упущение времени - смерти безвозвратной подобно."

Петр 1-й Великий.

Начало горестных утрат
Пришло к нам много лет назад,
И время - подвести итоги...
Они - печальны...Мы - в дороге
И - продолжаем мы итти...
Увы - не кончены пути,
Мы - далеки от светлой цели,
Все ищем мы и не осели
У тихой пристани...Для нас
Не наступил желанный час
Успокоенья... Лишь невзгоды
Сроднились с нами в эти годы,
Да непосильно-тяжкий труд...

Мечтали - отдохнем мы тут!..
Стремились к миру и покою!..
Увы - кровавою рекою
С Востока льется "красных" рать,
Чтобы весь мир завоевать!..
Через моря и океаны
Поплыли "красные туманы"
В Америку со всех сторон...
. . . . . .
Повсюду - угнетенных стон,
Повсюду - диктатура злая
И "ад", что дали вместо "рая", -
С преступной легкостью руки, -
Обманутым - большевики!..
. . . . . .

Не л ю д и гибнут там - н а р о д ы!..
И даже здесь - в Стране Свободы -
Грозит всем горе "красных бед"!..
Но все-таки сравненья нет
Тревогам нашим и кошмарам, -
С тем, что творится в Свете Старом,
И - личное отбросив прочь -
Должны немедленно помочь
Своим мы... Там, ведь, наши братья!..
Не стану вам напоминать я
О крестном, тягостном пути,
Что вместе нам пришлось пройти,
О героических походах,
О наступленьях, об отходах,
О смене радостей и бед...

Пережитого четкий след
В сердцах у нас - как боль от раны...
Но мы ведь сами ветераны!
Там - наши старые друзья!
Мы и они - одна семья!
У них, у нас - одни желанья!
Сроднили общие страданья
Нас в те далекие года ..

И вот - теперь у них беда!
Они - беспомощны - как дети!..
Пускай слова жестоки эти,
Но им - закрыты в с е пути,
Им - просто н е к у д а идти!..
. . . . . .
Уж много лет в Стране Свободной
Мы собирались ежегодно
На наших Русских Вечерах...

Все было в прошлом - смерти страх,
Потеря Родины, скитанья...
Казалось - кончены страданья
Для нас - добравшихся сюда,
И, отдыхая от труда,
Мы вспоминали тех - далеких,
Покинутых и одиноких,
Калек, беспомощных, слепых...

И в эти Вечера - для них -
Собрать стремились - сколько можно!..
Мы знали - ждут они тревожно,
Мы помнили, что каждый грош -
Для них и нужен, и хорош!..

Забывши мелочные ссоры,
Пустые бросив разговоры,
Объединялись в эти дни
Мы - с тою мыслью, чтоб они -
В далеких, Зарубежных Странах -
Могли б на миг о старых ранах
И серых буднях позабыть!..

Святой любви тянулась нить -
К родным, измученным, далеким,
К страдающим и одиноким...
И - спать спокойно мы могли!
Долг был исполнен - п о м о г л и!..
. . . . . .
Спокойные промчались годы,
И жуткой - "красной" непогоды
Опять настали дни для нас...
"Двенадцатый" подходит час!..
В Европе - попраны законы,
Там - наших ветеранов стоны -
Своей бедой заглушены!!!

России доблестной сыны
Опять в тени... Забыты всеми...
Жестокое настало время -
"Хозяевам" - не до "чужих"!..
. . . . . .
Пусть так!.. Но не забудем их
Мы - Русские и Патриоты!..
Пускай у нас - свои заботы,
Пусть есть опасность новых бед,
Но каждый - сыт, обут, одет!..
Мы здесь - живем!.. Спокойно дышим!..
И верю я, что не услышим
Упрека мы от тех, кто там!..

Итак, друзья, - на помощь к нам!
Все за работу!.. Все - за дело!..
Возьмемся дружно и умело, -
У нас теперь ведь опыт есть!..
Зовет нас - долг!.. Диктует - честь!
И совесть нам твердит тревожно,
Что важно это, неотложно,
Что ждать нельзя, что дорог час!..
. . . . . .
Зовут "ГАЛЛИПОЛИЙЦЫ" вас!
И верят в то, что в вашем сердце -
Откроются в тот вечер - "дверцы",
Что, эгоизм отбросив прочь, -
Придете вы, чтоб им п о м о ч ь!..

Холливуд, декабрь 1955 г. НЕГРИТОС.

- - оОо - -

Помощь инвалидам - это наш русский долг. Долг чести, совести, братства, человеколюбия и сострадания.

Судьба взвалила на плечи эмиграции нравственную необходимость - помогать инвалидам.

Пусть каждый протянет руку помощи тем, кто отдал здоровье и силы за великую, вечную Россию!

- - оОо - -

ИЗ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ..

(Крым - Галлиполи)

Пароход "Крым", на котором я 2-го ноября 1920 года эвакуировался в Константинополь вместе с Русской Добровольческой Армией, был совершенно переполнен частями Конного Корпуса генерала Барбовича.

Мне пришлось кое-как устроиться в трюме - на самом дне.

И вот, сидя там внизу, я стал припоминать и записывать все то, что произошло за последние две недели на фронте, где мы защищали рубежи Северной Таврии от наступавших на Крымский полуостров большевиков.

В конце октября красное командование решило перейти в наступление с целью сбросить Добровольческую Армию - в море.

Для этого красные сосредоточили против нас пять армий, из которых две были конные, снятые с Польского Фронта после того, как Пилсудский предательски заключил мир с большевиками.

И это последнее, решительное наступление они повели против нас 26-го октября.

"Сила солому ломит", и несмотря на упорное, поистине героическое сопротивление наших частей, а главное - ввиду глубокого обхода наших войск Красной Конницей, нам пришлось - по приказанию Белого Командования - начать отход для сохранения живой силы.

Отход наш начался 28-го октября и происходил с непрерывными боями.

Нам пришлось отойти к югу от Перекопа, а затем оставить красным и Юшунские, слабо укрепленные позиции.

Было ясно, что Крым обречен, и что захват всего полуострова красными и близок, и неизбежен.

Наше Командование заранее подготовило все средства для общей эвакуации и предложило всем, желающим уйти в добровольное изгнание, грузиться на пароходы, которые должны были отойти в Константинополь.

Для погрузки частей Конного Корпуса Барбовича, сильно потрепанного в арьергардных боях, - был назначен порт Ялта.

31-го октября 1920 года.

Сегодня, в 11 часов утра, части Конного Корпуса без остановки прошли через Симферополь и продолжали двигаться через Алушту в Ялту, к месту посадки.

Симферополь - мой родной город. Там жили - мой старик отец, мои братья и сестры.

Мне удалось только на несколько минут забежать домой, чтобы проститься с родными .. Расставание с ними было очень тягостным. Восьмидесятилетний отец, прощаясь, благословил меня перед отправлением в далекий путь, полный неизвестности.. В тот момент я еще не знал, что расстаюсь со своими близкими и кровными - н а в с е г д а...

Выйдя из дому, я скоро догнал свою часть - Конвой генерала Барбовича - и мы двинулись на Алушту. В этот маленький, живописный курортный городок мы прибыли в 9 часов вечера и там разместились на ночлег...

1-го ноября 1920 года.

Уже в 8 часов утра мы выступили и пошли в направлении Ялты, куда и прибыли к вечеру того же дня. Остановился Корпус в районе ялтинского порта и на молу, и усталые конники сразу же начали готовиться к погрузке на предназначенный нам пароход "Крым", который ждал нас, ошвартованный у самого мола.

Всюду по пути от Алупты до Ялты мы видели массу лошадей, оставленных всадниками на произвол судьбы, так как погрузиться на пароход вместе с лошадьми не представлялось никакой возможности, да и набережная Ялты была переполнена конским составом, брошенным своими владельцами.

В 11 часов ночи меня послали с бумагами в гостиницу "Россия" к Начальнику 2-й Кавалерийской Дивизии, и только на следующий день в 7 часов утра мне удалось вернуться к месту погрузки. Электричество не горело, и передвигаться по опустевшему городу - в полной темноте - было опасно, так как местные большевики вышли из подполья и подстерегали одиноких прохожих и - из-за угла - нападали на офицеров.

2-го ноября 1920 года.

Мы знали, что красная конница двигается на Ялту и что каждую минуту можно ждать появления большевиков. Поэтому погрузка шла в очень быстром темпе и была закончена уже к 12 часам дня. Еще несколько минут - и мы должны были уйти в море.

Тут - совершенно неожиданно - на молу появился генерал Врангель. Совершенно спокойно он начал здороваться с частями войск. Подойдя к нам, он сказал несколько слов и нашему Корпусу. Это спокойствие и выдержка нашего Вождя - сразу ободрили всех нас, и настроение бойцов поднялось.

Но вот наступил момент отхода нашего парохода. Раздался третий, прощальный гудок, трап был поднят, и "Крым" начал медленно отходить от пристани...

Этого момента я никогда не забуду... С огромной душевной болью расставались мы с Родной Землей... Испытанные и закаленные в боях воины - плакали, не стесняясь своих слез...

На палубу вышел находившийся среди нас священник и начал служить молебен. Пел не только наш корпусной хор, но и все присутствовавшие. .

Священник молился "о плавающих, путешествующих, страждущих и плененных и о спасении всех"... Молился обо всех нас, - уходящих с любимой Родины в полную неизвестность...

Все мы молились горячо, со слезами на глазах... Каждый из нас чувствовал, что в жизни наступил перелом, каждый понимал, что грядущий день несет не радость, а новые испытания и, может быть, страдания...

"Крым" вышел в открытое море... В туманной дымке исчезали родные берега... Верные сыны Родины - непримиримые бойцы Русской Армии - уходили в добровольное изгнание...

Константин ЛИСИЦЫН.

- - оОо - -

Мы - пленные орлы, у нас устали крылья,
Враг победил, но мы, как прежде, злы
И для последнего смертельного усилья
Готовы вновь лететь мы - пленные орлы...

Галлиполиец поручик ГУРЬЕВ.

1920-й ГОД.

Отрывок из рассказа "ТРИДЦАТЬ ЛЕТ". (Из книги "НА ПУТЯХ и ПЕРЕПУТЬЯХ").

... Тогда в Севастополе, в 1920-м году, мы не думали о "заграница" - мы не представляли себе возможности добровольного изгнания н а в с е г д а...

Пусть за Перекопом, в степях Северной Таврии бушевали вихри красной непогоды, пусть там, в центре России, дни текли расплавленной рекой нечеловеческих страданий - здесь было тихо...

Горы защищали от злых северных ветров... "Цветные полки" и лихая казачья конница непроницаемой стеной стояли между красными и Белым Крымом.

И почти незаметна была гражданская война.

Можно было пойти в музей Севастопольской Обороны и в прохладной тишине высоких комнат проследить героическую историю беспрерывного одиннадцатимесячного подвига... Можно было благоговейно приобщиться к тем высоким примерам великого русского патриотизма, которые смотрели из каждой витрины.

Вот хирургический набор инструментов великого Пирогова...Вот георгиевский крестик, вырезанный из осколка черепной кости адмирала Нахимова... Вот медная икона, вдавленная пулей и спасшая жизнь какого-то "неизвестного солдата"... Вот восковая группа: матрос Копа и двенадцатилетний паренек-доброволец, работавший на бастионах Малахова Кургана и подносивший ядра во время отбития неприятельских атак... Вот модели "Чесмы", "Наварина", стопушечного корабля-фрегата "Двенадцать Апостолов" и икона св.Николая Чудотворца с одного из русских кораблей, затопленных нашими моряками у входа в бухту... Чертежи укреплений, сделанные собственноручно Императором Николаем 1-м... Старинная готовальня Тотлебена... Перчатки, султан с треуголки и носовой платок убиенного Государя Александра 2-го... Старинные пушки, ядра и тесаки... Кремневые ружья наших безвестных героев и "Пибоди-Мартини" союзников... Французские, английские и турецкие знамена, эскадронные значки знаменитой английской "Легкой Бригады" - трофеи храбрых, седая Слава Императорской России...

А Собор около Братской Могилы... Эти мраморные доски с бесконечными рядами имен тех, кто "погиб во славу Русского Оружия",кто кровью запечатлел жертвенную любовь к своей Родине... И гулкие своды, и трепетное мерцание свечей и лампад, и незабываемый запах ладана, теплого воска и лампадного масла - аромат старого, намоленного храма...

Можно было поехать посмотреть Панораму Обороны... Малахов Курган... Можно было побродить по старым бастионам и полюбоваться далекой бухтой, белыми парусами рыбачьих судов и синевой Черного Моря...

Можно было взять экипаж-"корзину", запряженный четверкой бойких крымских лошадок,и поехать с веселым кучером-татарином на козлах - в Инкерман или Балаклаву, где живут потомки генуэзцев, лихие рыбаки-листригоны, где горы нависли сказочной декорацией над бухтой, единственной в мире по своей красоте.

А вечерами на Приморском Бульваре, совсем по мирному, - играл оркестр. Мягко пел корнет, глухо рокотали геликоны, звонкой медью гремели тарелки, и "Дунайские Волны" неслись через бухту, к старой

крепости, куда то и дело бегали проворные катера под Андреевским Флагом...

Все было почти как до войны... Почти... Одевались гирляндами ярких огней десятки судов, стоящих в бухте на якорях и бочках... С Северной стороны, из казарм Черноморского Экипажа доносились звуки "зори"... Ласково надвигалась теплая южная ночь...

Но острый и внимательный глаз мог заметить, что надо всей этой, казалось бы, мирной обстановкой - нависла угроза... пелена тревоги... чувствовалась обреченность. . чувствовалось приближение конца...

Толпа была не та, что в мирное время. Новые, непривычные формы военных. Странные погоны: черно-красные у "корниловцев", бело-голубые у "алексеевцев", малиновые у "дроздовцев", черно-белые у "марковцев"...

Мелькали невиданные доселе волчьи папахи "пкуринцев", необычны были трехцветные петлицы на рукавах офицерских гимнастерок, и чересчур много было военных в английском обмундировании, переделанном на русский лад.

Почти не было видно русских сапог, и неприятно-грубо стучали ботинки-"танки", которые, вместе с зеленоватыми обмотками, так не гармонировали с удобной и красивой русской военной формой.

И женщины были одеты не по мирному.

На многих были деревянные подошвы-сандалии, на немногих были чулки... Не было видно ни мехов, ни драгоценностей... Устаревшие моды шести военных лет смешались воедино...

Удивляло и обилие "имен", встречавшихся в толпе... Тут и Собинов и Балановская, тут и Аверченко и Плевицкая, Алега Али, Василий Шумский, Фенин... Вот, тяжело опираясь на палку, идет король русских фельетонистов - Влас Михайлович Дорошевич... Промелькнула стройная фигурка Плевицкой... На "поплавке" - Кривошеин, Шкуро, Слащов-Крымский и какая-то "украинская" делегация, одетая в фантастические формы "сичовых стрильцив"... Революционер Владимир Бурцев мирно беседует с "неистовым" монархистом Измайловым... Большевики примирили очень многих... Монархисты и республиканцы - объединились.

Оркестр играет из "Сильвы"... "Сильва ты меня не любишь" - страстно тоскует корнет... И сердце сжимается недобрым предчувствием... "Сильва"... Похоронный марш всех русских эвакуаций... Она гремела в Киеве перед приходом Муравьева, перед Петлюрой, перед большевиками... В Одессе - перед приходом Григорьева... В Ростовском "Паласе" - накануне нашего последнего ухода...

Неужели же и о т с ю д а?.. Но к у д а - ж е ?!..

Наплыв - "куда"... И в необычайно-теплый ноябрьский вечер двинулась в море армада Русских Кораблей... Опустели бухты... На темневшем небе четко вырезалась громада Собора!.. Благовестили... Печальные удары колокола неслись гулким, прощальным приветом - вслед уходящим... Там молились "о плавающих, путешествующих"...Белая Россия уходила в добровольное изгнание, и невидящим взором провожал бронзовый Нахимов сотни Русских Кораблей, уходивших к далекому Царьграду под родным Андреевским Флагом...

Издали это было даже красиво... Издали не было видно изнученных лиц отплывавших и до отказа набитых трюмов... Издали не было слышно плача детей и тяжелых вздохов матерей, плывущих в неизвестность...

А.А.ВОЛОШИН-НЕГРИТОС.

- - оОо - -

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ПАМЯТНИК.

"Да святится во веки его память".

Лауреат Нобелевской премии И.Бунин о погибшем Белом Воине.

Последние недели пребывания на Родной Земле Русская Армия не выходила из непрерывных боев; необходимость держать Армию в кулаке приводила к недостатку помещений для ночлега, и большинство частей после боя ночевало под открытым небом; из-за невозможности подвоза питание было слабое, одежда и обувь износились, ко всем лишениям прибавилась необычайно холодная для тех мест погода - морозы доходили до 15 градусов. После приказа - отходить к портам - отход был сделан без отдыха и сна, чтобы успеть оторваться от противника. В результате на кораблях оказалось много обмороженных, простуженных и больных.

Корабли ушли перегруженными - грязные, темные трюмы, палубы, мостики, решетки у труб, все проходы были забиты людьми. Ни передвигаться, ни вытянуться было нельзя, даже на госпитальных пароходах легко раненые могли только сидеть. Подобная скученность еще более усилила грязь, и все покрылись насекомыми. В день выдавались - кусочек хлеба, кусочек консерва и кружка воды. Невозможность переодеться, умыться, очиститься от насекомых, очереди днем и ночью у уборных - все это создавало невероятно тяжелую обстановку.

Неприветливо встретило нас и Галлиполи - толпы голодных и впивых людей, измученных пребыванием в трюмах, проводили первые ночи под открытым небом, под холодным осенним дождем, стараясь укрыться хотя бы от ветра.

Офицеры и солдаты частей, назначенных для расквартирования за городом, тащили на своих плечах несколько верст по липкой грязи тяжелые тюки палаток и прочего для постройки лагеря. Постройка и приведение в жилой вид громадных палаток-бараков требовали до трех дней времени, и это время люди также оставались под открытым небом.

Вследствие всего этого в Галлиполи, кроме привезенных, появилось много новых больных. Первые дни, пока не были оборудованы и открыты госпиталя, были для них необычайно тяжелы - все больные лежали вместе на полу, покрытые паразитами; умирающие от заразных болезней сеяли вокруг себя заразу - вспыхнула эпидемия сыпного и возвратного тифов; было много легочных больных и т. п.

Грозная и неумолимая смерть стала вырывать своих жертв из истощенного и обессиленного Корпуса недавних героев Белой Борьбы.

Когда число умирающих стало увеличиваться, возник вопрос об отдельном русском кладбище. Армянский Патриарх, благодаря хлопотам местной армянской колонии, пожертвовал старое кладбище, к которому город присоединил еще один участок, и с февраля 1921 года было приступлено к благоустройству кладбища - оно было "расчищено" и огорожено, был установлен порядок рытья могил, на них устанавливались железные однообразные кресты с таблицами для надписей и т.д. Все это делалось в мастерских Технического Полка.

Возникла мысль о Памятнике.

Приказом по Корпусу был объявлен конкурс, в результате которого для исполнения был принят проэкт архитектора подпоручика Акатьева: монумент в стиле римско-ассирийских гробниц.

20 апреля вышел приказ генерала Кутепова:

"Русские воины, офицеры и солдаты!

Скоро исполнится полгода нашего пребывания в Галлиполи. За это время многие наши братья, не выдержав тяжелых условий эвакуации и жизни на чужбине, нашли здесь свою безвременную кончину.

Для достойного увековечения их памяти - "воздвигнем Памятник" на нашем кладбище ...

Воскресим обычай седой старины, когда каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем племе земли на братскую могилу, где вырастал величественный курган. Пусть каждый из нас внесет посильный труд в это дорогое нам святое дело и принесет к месту постройки хотя бы один камень. И пусть курган, созданный нами у берегов Дарданелл, на долгие годы сохранит перед лицом всего мира память о русских героях"...

С большим порывом отозвался Корпус и все русское население Галлиполи: из лагеря и со всех сторон города шли русские люди со своим посильным даром уведомим в иной мир боевым друзьям...

Шли старики, согбенные от тяжести лет и пережитого, сгибаясь еще больше под тяжестью камня, шли здоровые, молодые и крепкие люди, шли целые части с хорами трубачей и с полковыми священниками - каждый считал своим долгом отнести камень на кладбище...

Шли женщины... Шли дети...

Особенно трогательно было смотреть на детей гимназии и малышей из детского сада - с тихими и серьезными личиками, участвуя в общем деле, несли они песок в своих ученических сумках.

Началась постройка. Не было средств, инструментов, специалистов -рабочих - строители могли только рассчитывать на принесенный с городских развалин камень, проволоку и железо, в изобилии оставшиеся еще со времен Великой войны. Из железа делались необходимые инструменты. Цемент, сэкономленный из запуска на оборудование лагеря и частью купленный, - был очень плохой. Подвились добровольцы для постройки - 30-35 человек, - пришлось спешно делать из них каменотесов, гранильщиков и т.д.

9 мая была совершена закладка, и в основание памятника была положена медная в свинцовом конверте доска с соответствующей надписью.

Далее, как и все в Галлиполи делалось быстро, серьезно и с любовью, - памятник был окончен.

16 июля состоялось освящение памятника.

Тихое солнечное утро. Вокруг кладбища со штандартами и знаменами, с хорами трубачей стояли части войск, участвующие в параде. В ограде собралось духовенство, наше командование, французские и греческие власти, приглашенные представители местного разноплеменного населения, дамы, дети...

Церковная служба была исключительно торжественной. Протоиерей, о.Федор Милянофский, взволнованный, со слезами на глазах, произнес тронувшее всех прекрасное слово. Он говорил: "Путник, кто бы ты ни был, свой или чужой, единоверец или инаверец, благоговейно остановись на этом месте - оно свято: ибо здесь лежат русские воины, любившие Родину, до конца стоявшие за честь ее"... Вспоминая, что в Севастополе на воротах кладбища, где были похоронены павшие в Севастопольскую кампанию французы он видел надпись - "Земля Французского Государства", о.Милянофский обратился ко всем: "Вы крепкие, вы мудрые, вы сильные, - сделайте так, чтобы этот клочек земли стал русским, чтобы здесь со временем красовалась надпись: Земля Государства Российского, чтобы здесь всегда реял русский флаг"...

Монументальная громада из 20.000 принесенных камней поднялась над кладбищем, когда под звуки "Коль Славен" был снят покров с памятника. Внизу впереди заблестел белый мрамор, на котором был высечен двуглавый орел, а под ним надпись на русском, французском, турецком и греческом языках: "Упокой, Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской Армии своим братьям воинам, за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920-1921 годах и в 1854-1855 годах, и памяти своих предков запорожцев, умерших в турецком плену".

После освящения Памятника генерал Кутепов передал мэру города акт, в котором, в предположении предстоящего отъезда Корпуса, содержалась о принятии в дальнейшем городским управлением попечения о кладбище, на основании всегдашнего благожелательного отношения населения к Русской Армии. Мэр города обещал принять попечение о кладбище и памятнике.

Французский комендант города сказал: "Я горд, что мне удалось сегодня отдать воинскую честь доблестным павшим солдатам дружественной армии.

Мусульманский муфтий заявил: "Для магометан всякая гробница священна, но гробница воина, сражавшегося за свое Отечество, особо священна, какой бы веры ни был этот воин".

После возложения венков Корпус вместе с Командиром ген. Кутеповым отдал последнюю почесть усопшим боевым соратникам, навсегда остающимся в чужой земле и никогда не увидящим Родины - церемониальным маршем проходили перед Памятником одна за другой части возродившейся Русской Армии.

После открытия Памятника были присланы венки Королевой Эллинов, Великой Княгиней Еленой Владимировной, Главнокомандующим, Всероссийским Земским Союзом, Всероссийским Союзом Городов и др.

В октябре месяце учащиеся галлиполийской русской гимназии произвели на кладбище древонасаждения - каждый мальчик и девочка посадили вместе одно дерево и потом заботились о нем.

Благоустройство кладбища продолжалось - на каждой могиле был поставлен крест с надписью, проведены были аллеи, у входа были поставлены скамейки и выстроен домик для сторожа - местного жителя турка.

Кладбище сделалось местом паломничества русских и местных жителей.

Корпус оставил Галлиполи... Галлиполийцы рассеялись по всему свету, а там, в Галлиполи, навеки остались наши братья, бывшие когда-то юными, молодыми, крепкими и здоровыми...

Но всех нас навеки соединил наш черный крестик, галлиполийский крест с исторической датой 1920-1921, для одних - дата вечного покоя, для других - начало новой борьбы, в иных условиях, за свою Родину, за благо всего мира.

Б.ЕСИПОВ.

- - оОо - -

Первый Кубанский - "Ледяной" поход будет, конечно, вписан в русскую историю, как событие исключительной яркости, как явление, во многих отношениях не имеющее себе равных в жизни русского народа.

"Мы уходим в степи; вернемся, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, дабы была хоть одна светлая точка среди охватившего Россию мрака". Так формулировал ген. Алексеев ту задачу, которую ставило себе командование добровольческой армией.

ПАМЯТНИК.

На склоне пироком Галлиполи,
Где цепь убегает холмов,
Чужою землею засыпали
Последних российских бойцов.

И руки родные им сделали, -
Заснуглим неведомым сном, -
Из камня и мрамора белого -
Курган, осененный крестом.

Не раз перед ним собиралися
И Богу моленья несли
Все те, кто на страже остался
Знамен и Российской земли.

Овеян церковным курением,
В венках от родимых частей,
Воздвигся он грозным видением
Для недругов русских людей.

И сколько бы терний ни спали,
Мы будем тверды, как гранит...
Мы помним, что там, у Галлиполи,
Наш Памятник гордый стоит.

В.Х.ДАВАТЦ.

Написавший это стихотворение, посвященное Памятнику, поставленному воинами Русской Армии в далеком Галлиполи, - был личностью незаурядной. Человек глубоко-штатский, человек науки, приват-доцент Физико-Математического факультета Харьковского университета - он, в первые же дни формирования Добровольческой Армии, поступил на военную службу и всю гражданскую войну провел вольноопределяющимся на Добровольческом Бронепоезде.

После эвакуации Крыма он попал в Галлиполи, где и был произведен в подпоручики.

После распыления Русской Армии он жил в Югославии и - опять таки добровольцем - вступил в Русский Корпус. И погиб в 1944 году, убитый бомбой с аэроплана.

Мир праху его и Вечная ему Память!

Р е д а к ц и я.

НАША НЕПРИМИРИМОСТЬ.

В эмиграции ежегодно, во всех городах Великого Эмигрантского Рассеяния, устраиваются "ДНИ НЕПРИМИРИМОСТИ". Идея - прекрасная. Но название не соответствует действительности. Эти дни правильнее было бы назвать "ДНЯМИ НАПОМИНАНИЯ" о нашей непримиримости к красным поработителям Родины и к мировому коммунизму, но не "ДНЯМИ" непримиримости, так как устраиваются эти "дни" - только раз в год.

А у нас - галлиполийцев - эти"дни непримиримости" начались на следующий день после большевицкого переворота 1917 года, и каждый последующий день - был ДНЕМ НЕПРИМИРИМОСТИ.

Таких дней у нас - воинов Белых Армий - было: 365 в каждом обыкновенном году и 366 в каждом високосном.

И каждый из грядущих дней - будет для нас ДНЕМ НЕПРИМИРИМОСТИ к узурпаторам власти, которые уже 38 лет издеваются над Великим Русским Народом и, как прежде, мечтают поработить весь мир.

И только в тот момент, когда падет на нашей Родине власть Красного Хама, и когда будет окончательно ликвидирован мировой заговор коммунистов, грозящий всему Свободному Миру - настанут для нас,верных сынов Родины, - ДНИ РАДОСТИ и ДНИ СЧАСТЬЯ!

Галлиполиец-Доброволец.

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

В 1920 году совершился великий исход с родной земли остатков армии, до конца оставшейся верной своему последнему главнокомандующему ген. Барону П.Н.Врангелю, и тех русских людей, которые идеологически были с этой армией связаны. Покидая родную землю с оружием в руках, эти люди унесли с собой, кроме ненависти к строю, воцарившемуся на Родине, и свой внутренний уклад жизни и веками сложившиеся традиции.

В Галлиполи, где осели остатки Добровольческой армии, в Чаталджа и на о.Лемносе - казаки, в Бизерте - флот и морской корпус, - еще ряд лет продолжало существовать то, что всегда составляло мощь и славу Императорской России - ее Армия.

Но кроме указанных пунктов было еще одно место, где также ряд лет продолжал существовать осколочек старой России, и это место был лагерь Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса.

Еще при эвакуации из Новороссийска Донской Корпус был перевезен в Египет и расположен в лагере, находящемся в 3-4 милях от г.Измаилии на берегу "крокодилового озера", в котором, конечно, не было уже никаких крокодилов. Через это озеро проходит Суэцкий Канал, а в г.Измаилии находится главная квартира англо-франко-египетской компании, владеющей этим каналом.

Оторвавшись от родного Корпуса при отступлении Армии к Новороссийску и приехав в Корпус с о.Лемноса, я застал лагерь уже вполне благоустроенным. Длинные ряды идеально выравненных белых палаток. Бамбуковые бараки для классных занятий, служившие в то же время и столовыми. Большая, делящая лагерь пополам единственно асфальтированная "линейка", где по утрам и вечерам выстраивался весь Корпус для церемонии поднятия и спуска родного трехцветного флага, вечерней поверки и пения молитвы. И далеко в пустыне было слышно, как несколько сот молодых глоток старательно выводили "Отче наш" и "Спаси, Господи, люди Твоя".

У входа в лагерь - караульное помещение "пост № 1 у денежного ящика и оружия". Караул несли старшие кадеты по всем требованиям "Устава гарнизонной службы", с разводом, выводом в ружье и т.д.Тут же стояли винтовки первой сотни. И была площадка, на которой удивленные арабы могли частенько видеть стоящих под палящими лучами египетского солнца кадет старших классов "под ружьем" и малышей "на штрафу". Впоследствии, уже перед самым отъездом из Египта, англичане отобрали оружие, после того, как один из кадет покончил с собой, застрелившись из винтовки.

Там происходили те же обычные классные занятия. Разница была только в том, что появился новый предмет, раньше в корпусах не преподававшийся, - английский язык. Да, пожалуй, еще и нравы начальства слегка смягчились, ибо нередко, вместо урока скучной алгебры или сугубой химии, преподаватель, воспитатель и весь класс, не выдержав египетской жары, уходили корпоративно купаться в Суэцком Канале.

Были те же строевые занятия и та же гимнастика. Прибавился спорт, а именно - футбол и бокс. Несмотря на все старания специально для этой цели прикомандированного к Корпусу англичанина м-ра Харрисона, бокс так и не привился. Зато футбол расцвел. Им даже стало увлекаться начальство, что чуть не кончилось трагически. На одном из состязаний "кадет" и "начальства" один из кадет с такой силой ударил мячом в живот директора Корпуса ген.-лейт. Черячукина, что того без

чувств отправили в госпиталь. Директор в течение нескольких месяцев не мог поправиться и был временами так плох, что кадеты готовились к торжественным похоронам. Помню, что для этой цели особенно тщательно начищались винтовки.

К счастью, все кончилось благополучно, и ген. Черячукин, впоследствии один из кандидатов в Донские Атаманы, умер значительно позже в Париже.

За время пребывания Корпуса в Египте было два выпуска. Часть окончивших Корпус в первый год отправилась на Дальний Восток, где еще продолжалась Белая борьба. Остальные оставались при Корпусе.

Таким образом, в течение двух с половиной лет по "Великом исходе" где-то в песках земли фараонов продолжал развеваться Русский национальный флаг и подготовлялись новые кадры, готовые каждую минуту исполнить свой долг перед Родиной, как это всегда делали воспитанники славных Русских Корпусов.

КАДЕТ.

ГЕНЕРАЛ А.П.КУТЕПОВ.

"Всепоглощающая стихия этого человека - долг". (Н.А.Цуриков).

Давность времени стирает остроту страшного преступления, совершенного 26-го января 1930 года агентами-исполнителями той власти, которая пользуется ныне всеобщим вниманием на фоне международных отношений и которая, одновременно, истязует подвластную ей страну - Россию.

Налицо - парадокс: международные отношения, в основе коих лежат понятия права и уважение к законам и традициям, - с властью, попирающей и то и другое, властью, проповедующей бесправие и открыто вводящей преступления в обиход своей международной и внутренней политики.

Накопилось уже много этих преступлений, совершенных большевицкой властью во всем мире. И неизвестно, когда им будет поставлен предел.

Мы не знаем в точности, что вскрыто следствием по этому преступлению, имеющему 25-ти летнюю давность; мы не знаем этого, ибо о многом решено умолчать.

Для русских людей сущность его ясна: и в том, кто был вдохновителем и исполнителем этого преступления, и в том, какие цели оно преследовало, - ибо жертвой его был генерал А.П.Кутепов.

Воинское служение России на протяжении всей ее истории было богато теми примерами, которые воспитывали служилый класс нашего Отечества. Русская литература отметила этих людей - и ярких и скромных, - но, одинаково - людей долга, бесстрашия и жертвенности.

Став на путь воинского служения России, А.П.Кутепов дополнил своим именем этот синодик русских героев, повествующий нам о народной гордости, о силе восприятия понятия о национальном достоинстве и о велениях долга в служении Родине.

Характерно: отец Александра Павловича, не военный, напутствовал его в жизнь словами: "Будь честным, никогда у начальства не напрашивайся, но долг свой перед Отечеством исполни до конца". Этими словами провожал отец сына, отправлявшегося на фронт Русско-Японской войны.

Это - слабо сказано: "отправлявшегося"... Многие из наших Вождей и Руководителей, в ранние годы свои, не "отправлялись", а рвались и спешили на войну... Как понятно это многим в прошлом, как понят-

но это для тех, кто стал на путь Добровольчества, и как непонятно и, даже, смешно для тех, кто заразился "другим", потеряв и растратив все святое и облагораживающее...

Мы знаем, что детское воображение Александра Павловича поразил Скобелев, - и "Белый Генерал" стал для мальчика любимым героем.

В этом восприятии "Белого" Генерала чувствуется уже нечто символическое и пророческое... И для всех нас поучительное: ибо на пути воинского служения, главным образом на пути, требующем подвига и жертвенности, мы - кто этим еще живет - получим моральное удовлетворение, мы почувствуем свою принадлежность к тем, кто не по словам, а по делу - могут именоваться русскими патриотами. В детском и юношеском своем увлечении "Белым Генералом", А.П.Кутепов шел навстречу судьбе, приближаясь к тем, кто стал нашими Вождями.

Мы не можем здесь проследить в подробностях, ярких и назидательных, путь этого человека долга.

Последний Командир Первого полка Русской Армии - Преображенского - сразу же стал, после захвата власти большевиками, в ряды Добровольческой Армии. Уже в декабре 17-го года он был на "месте". После доблестной защиты - с горстью людей - Таганрога, которую так ярко отметил Генерал Деникин, Полковник Кутепов вышел в 1-й Кубанский поход Командиром 3-й роты 1-го Офицерского полка (впоследствии - Марковского). А после смерти Полковника Неженцева при штурме Екатеринодара Генерал Корнилов, накануне смерти своей, назначил А.П. Кутепова Командиром полка Добровольческой Армии - Корниловского ударного.

Твердая и верная поступь этого русского патриота чувствуется на всем протяжении белой борьбы - и на полях сражений и в деятельности на поприще гражданского управления.

1920 год: конец героической вооруженной борьбы на Юге России.

Уверенное и бесстрашное управление Командующего 1-й Армией Генерала Кутепова на путях в Крым, на путях, занятых уже большевиками - конницей Буденного.

Лично свидетельствую о спокойных, твердых и кратких распоряжениях: Корниловцам - взять или занять Рождественскую (они взяли ее и десяток пушек), Дроздовцам - атаковать Отраду (на глазах Кутепова они атаковали в пешем строю конницу, а конные Дроздовцы едва не захватили штаб Буденного); коннице ген.Барбовича занять Ново-Троицкое.

Путь в Крым был открыт...

Всем известно это имя и - что значительнее - его содержание.

Преклоняемся перед волею "творца Галлиполи" и перед совершенством и значением им содеянного. Преклонялись перед ролью его в Галлиполи, для объективности, вспомним и о себе, и добавим: в преодолении разочарований после неудачи и исхода из родной земли, и в преодолении последствий этих разочарований, сыграла роль не только патриотическая "воля Кутепова" (что вне сомнений), но и тот Добровольческий дух, который всегда, после всяких неудач, на их пути встречавшихся, помогал Добровольцам "найти себя".

В этом сочетании воли Кутепова и моральной и жертвенной сущности Добровольцев - успех "Галлиполи" и всего добровольческого служения России, которое не заглохло и до сих пор.

В Галлиполи - (вспомним все, что мы там пережили) - этот дух был закреплен. И он - не испарился еще, несмотря ни на что.

Там, в Галлиполи, ему - Кутепову - пришлось обозревать все и о многом задумываться.

В частности, он понимал все значение для будущей России наличия

культурных сил и хороших специалистов в разных областях предстоящей России восстановительной работы. И, что главное, - специалистов "белых" по своему внутреннему содержанию.

Немалая заслуга этого сурового солдата заключается в том, что из Галлиполи в Прагу была отправлена для продолжения образования "первая студенческая сотня". Она оправдала свое назначение и оправдала его надежды и веру его в русского Добровольца.

Как-то принято было считать, особенно в военной среде, что студенчество - "народ вольнодумный", нечто вроде "внутреннего врага", - в анекдотах на занятиях по "словесности" с солдатами. Этот "вольнодумный народ" был прилично представлен в Белом Движении и в значительном числе стал в ряды Добровольческой Армии, вместе с гимназистами вошел в историю борьбы за освобождение России и дал эмблему славному Алексеевскому полку...

При своем посещении Праги в 1929 году, Генерал Кутепов встретился с этой "первой студенческой сотней". На многолюдном банкете Галлиполийцев - студентов и уже инженеров - в присутствии приглашенных гостей, преимущественно из среды старой русской Профессуры, - один из галлиполийцев-студентов попросил у Генерала Кутепова разрешения спеть студенческую песню.

- Что это значит? - обратился Генерал Кутепов ко мне, старшему Галлиполийцу, тоже студенту, рядом с ним сидящему.

- Не предупрежден об этом, - ответил я, - повидимому это веление сердца, радостно воспринявшего момент встречи. Полагаю, что это будет даже не "Гаудеамус"...

Разрешение было дано.

200 голосов сразу же стройно запели "студенческую песню":

"Взвейтесь соколы орлами"...

Генерал Кутепов был совершенно растроган. И не новым стилем студенческих песен, а тем признанием, которое было оказано ему, суровому созидателю "Галлиполи", со стороны "опекаемых" им в прошлом... Давно уже было понято все значение этой школы, все то, что легло в основу создания Общества Галлиполийцев.

Главным образом из этой среды он встретил поддержку для новой работы.

Генерал Кутепов не только офицер - исполнитель приказаний и указаний, свыше исходящих. Он, прежде всего, - и это главное - инициативный человек. Сохранение Армии - Русского Обще-Воинского Союза - Председателем коего он был, - это важно; но это - не все. Задача русского патриота не только сохранительная, но и действенная.

Он, найдя новых героических добровольцев, из старой Добровольческой среды, стал на этот действенный путь.

На нем и погиб...

Соратники его на этом пути, - те, кто остался в живых, могут засвидетельствовать - и скажут еще это, - как внимательно, вдумчиво и осторожно он вел эту работу и как относился к своим сотрудникам.

Слабее всего было с "осторожностью" - не в отношении других, а в отношении самого себя: не хватало средств блюсти и ее.

И 26-е января 1930 года - это постыдный укор русским людям, так слабо откликнувшимся в материальном смысле на зовы Генерала Кутепова...

Вспоминаются материальные условия первых дней Добровольчества...

При жизни своей Генерал Кутепов всегда напоминал нам, утверждал и укреплял то, что двигало нас, быть может, подсознательно, в ряды Добровольцев, все то, глубоко идейное, что характеризует сущность

Белого Движения и что составляет полученное нами от него и его Вождей, наследие, за которое мы несем ответственность.

И делом и убежденностью своей он закрепил основы нашего исповедания и наших устремлений.

Вспомним некоторые слова его:

"Армия стоит вне партий". - "Это не значит, что армия "аполитична", она имеет определенное политическое лицо, она хочет восстановления России, хочет возрождения Российской Государственности".

"Коренные вопросы государственного устройства России не могут предрешаться на чужбине".

Это - политическое его нам завещание.

Нет в этих высказываниях ничего нового, чего бы мы не слышали от наших вождей. Он и не имел в виду открыть что-то "новое", - он закреплял завещанное, следовал ему твердо, обогатил его своим опытом, и верность идее продолжения борьбы доказал и своей работой и своей смертью.

Нас же - Добровольцев - а он был Командиром Добровольческого Корпуса, и Галлиполийцев, которых он возглавлял в качестве Почетного Председателя Общества, - он неустанно призывал: быть верными нашему прошлому и помнить, что наша задача - Россия, а не государственный строй ее, не политические программы, а обретение России.

Готовый к широкому сотрудничеству с национальными кругами русской эмиграции, проявляя в этом отношении исключительную терпимость, он, вместе с тем, не скрывал своего отталкивания от всяких нездоровых политических комбинаций и удерживал от всяких увлечений и соблазнов, опираясь на свое убеждение в том, что на пути честного служения России белым воинам не все дозволено...

Вспомним все это.

И если через 25 лет не все еще в нас заглохло - вдумаемся и сделаем обязывающие нас выводы, отмечая печальную годовщину гибели Генерала Кутепова, всепоглощающей стихией коего был - долг.

Генерал-майор Харжевский
Председатель Общества Галлиполийцев.
"Перекличка", июнь 1955.

ЛАВРУ КОРНИЛОВУ.

В мареве бесчинства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите: Руки Корнилова
Русскую землю несут...

Жгли ее, рвали, кровавили,
Проклятия многие... Все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.

Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на пути заповеданном
Пал за страну и за нас.

Есть умиранье в теперешнем;
В прошлом - бессмертие есть!
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть!

Мы и живые - безжизненны,
Он и безжизненный - жив;
Слышу его укоризненный,
Смертью венчанный призыв

Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ!
Слышите: Сердце Корнилова
В колокол огненный бьет...

Иван САВИН.
(Доброволец 12-го Уланского Белгородского полка, Добровольческой Армии).

ДОНЦЫ И ДРОЗДОВЦЫ.

(Встреча в Новочеркасске)

Перелистывая книгу недавно пережитого, невольно останавливаешься на одной ее необычайно красивой и завидной странице, вписанной в историю Войска Донского отрядом полк. М.Г.Дроздовского в апреле месяце 1918 года. Еще и поныне мне хорошо памятна полная тревог, волнений и всяких неожиданностей ночь с 24-го на 25-е апреля 1918 года. Обстановка была такова: два дня тому назад г. Новочеркасск был освобожден от большевиков Южной Группой донцов под командой полковника С.В.Денисова. С последним въехал в город и Походный Атаман ген. П.Х.Попов. Однако, его "Степной Отряд", во главе с полковниками Сидориным и Семилетовым, продолжал по непонятным причинам задерживаться в районе ст. Раздорской. Объяснение такому его поведению надо искать в том, что штаб Отряда в основу боевых соображений вносил элемент политический и даже больше - личных амбиций, будучи уже крайне обиженным, что столицу Дона освободила Южная Группа, а не Степной Отряд. В силу этого далеко не были нормальны и взаимоотношения между Походным Атаманом и командованием Южной Группы. Между тем, обстановка с каждым часом становилась все более опасной, ибо Новочеркасску грозило полное окружение, а нам всем гибель. При таких обстоятельствах Походный Атаман ген. Попов счел за лучшее всю военную и гражданскую часть возложить на полк. Денисова, предоставив ему в нужных случаях утверждать и смертные приговоры.

Для командования Южной Группой стало ясно, что взять город было много легче, чем его удержать. Потребовались необычайные напряжения и нечеловеческие усилия, чтобы привести в порядок часть взявшие город, и затем наспех подготовить их к жестокому, быть может, последнему бою за Новочеркасск с многочисленными частями красных. Из совокупности донесений и фактической военной обстановки у меня, как начальника штаба войск Южной Группы, не было ни малейшего сомнения, что решительный бой за город начнется завтра утром, то есть 25-го апреля. Из-за нескольких бессонных ночей и непрерывной напряженной работы, полк. Денисов и я едва держались на ногах. В предвидении боя, я предложил полк. Денисову использовать несколько часов для отдыха, дабы набраться сил для завтрашнего боя, а я ночью, согласно плану, займусь подготовкой частей. Будучи страшно изкурен, я напрягал последние силы, чтобы побороть усталость и отдать все нужные распоряжения. Особенно сильно тревожил меня вопрос о раненых и больных. Средства для их эвакуации были в наличии, но я не знал, в каком направлении, в случае неудачного боя, их отправлять, так как все пути находились под ударом противника. Несмотря на мой усиленный зов, "Степной Отряд" продолжал оставаться в районе ст. Раздорской, в то время, как его простое движение в направлении города могло сыграть решающую роль.

Уже было около двух часов этой тревожной ночи, когда мой адъютант есаул Грековъ, войдя ко мне, доложил, что какой-то штатский, называющий себя полковником из какого-то отряда полк. Дроздовского, желает меня немедленно видеть и со мною говорить. Я попросил его войти. Он представился мне, как полковник (фамилии сейчас не помню). В доказательство своих слов он вытащил из сапога небольшое удостоверение, где стояло, что прибывший состоит в отряде полк. Дроздовского. Для меня все это было мало убедительно, ибо у нас никто и ничего не слышал о таком отряде.

В коротких словах мой посетитель рассказал мне, что полк. Дроздовский в Румынии сформировал преимущественно из офицеров отряд, указал мне и состав отряда. По его словам, отряд полк.Дроздовского имел целью движение из г.Яссы на Дон, и два дня тому назад они сначала почти взяли Ростов, но затем были вынуждены отступить, и сейчас отряд сосредоточен в М.Салы, а Б.Салы занимают немцы, идущие также на Дон.

Едва ли надо полснять, что я с огромным вниманием слушал, но не верил, так как все это было и неожиданно и ново. Рассказ полковника буквально меня ошеломил, разогнав сразу и мою усталость. Если все мною слышанное отвечало истине, то обстановка сильно менялась, и, в случае неуспеха, мы могли базироваться на Б. и М.Салы и, значит, спасти и наших раненых и больных.Однако, я опасался предаваться таким иллюзиям и лишь отчетливо сознавал, что нельзя было терять ни одной минуты времени.Обратясь к есаулу Грекову, я сказал:"Возьмите сейчас же автомобиль и двух-трех хорошо вооруженных казаков и попытайтесь проехать в отряд полк. Дроздовского, которому передайте мою записку. Если же все это обман и провокация со стороны полковника, то поступите с ним, как подобает в таких случаях". В записке полк. Дроздовскому я писал: "С утра предстоит бой за Новочеркасск. Прошу спешно направить нам броневик, конно-горную батарею, конный эскадрон и часть пехоты, посадив ее на телеги. Дорога каждая минута".

Они уехали, а я размышлял - разбудить ли полк. Денисова и доложить ему эти неожиданные новости или дождаться возвращения есаула Грекова. Предосторожность взяла верх, и я решил выждать возвращения моего адъютанта. Какова же была моя радость, когда часов около 6-ти утра он прибыл и подтвердил мне, что он лично видел полк. М.Г.Дроздовского, говорил с ним, передал ему мою записку, и что он обещал все просимое выполнить, и - что самое главное - части, назначенные нам, уже двинулись.

Это радостное известие я немедленно передал начальнику Южной Группы полк. Денисову. Эта весть тогда имела огромное моральное значение и много содействовала успеху боя за Новочеркасск. Она молниеносно облетела донцов, подняла их дух, придав им мужество и храбрость, рассеяла чувство жуткого одиночества и влила в них непоколебимую веру в нашу конечную победу. Необходимо подчеркнуть, что сведения, полученные мною в эту ночь об отряде полк. Дроздовского и о немцах, были первыми. До этого момента, будучи со всех сторон окружены большевиками, мы совершенно не знали ни о существовании этого отряда, ни о движении немцев.

Примерно в 8 часов утра большевики начали свое главное наступление, а к 10 часам повели атаку на город на широком фронте, стремясь охватом сломить наше сопротивление. Огромное численное превосходство красных, занявших Хутунок (предместье Новочеркасска) и наступавших густыми цепями к городу, делало наше положение весьма грозным, и город был объят тревогой.Много хлопот доставили мне тогда раненые, охваченные паникой. Часть их, оставив госпитали, вышла на улицу, и кто не мог итти - буквально полз. Только позднее я выяснил причину этого. Оказалось, что кто-то видел Походного Атамана, едущего утром на извозчике с чемоданом. Злые языки сейчас же пустили слух, что ген. Попов "драпает", а на самом деле он ехал к Троицкой площади.

Больше всего мы тогда возлагали надежд на нашу батарею, которую обслуживали только опытные артиллерийские офицеры. Ее орудия стоя-

ли на открытой позиции у Троицкой церкви. Прекрасный кругозор, меткий и жестокий огонь, открытый, главным образом, по Хутунку, сделали свое дело. Зажженный снарядами Хутунок запылал в разных местах, и даже невооруженным глазом можно было видеть, как большевики одиночным порядком и группами стали искать спасения в бегстве в направлении Персияновки. Дабы не упустить такой момент, я, с ведома полк. Денисова, руководившего боем, вызвал командиров двух конных сотен, стоявших в резерве у арсенала, и, показывая им на отступающего противника, приказал спуститься вниз к реке, пользуясь, как укрытием, городскими зданиями, и там, развернувшись, преследовать противника вдоль железной дороги. Сотни быстро выполнили эту задачу и стали лихо преследовать красных.

Вдруг неожиданно раздался шум мотора. Толпа зевак, скопившихся у церкви, шарахнулась в разные стороны, и перед нами появилась броневая машина из отряда полк. Дроздовского. Это был, так сказать, первый и весьма ценный подарок Дроздовцев донцам. Лихой офицер, выскочив из машины, доложил, что он прибыл в наше распоряжение. Объяснив ему обстановку и показывая на горящий Хутунок и отступающего противника, я сказал: "Видите - наши конные казаки гонят большевиков вдоль железной дороги с этой стороны, а вы перейдите железную дорогу и преследуйте противника с другой стороны". Не прошло и пяти минут, как броневик мчался по полю, жестоко расстреливая бегущих красных.

Через несколько минут нас ждала новая неожиданность: слева послышался беглый орудийный огонь, крайне меня обеспокоивший. Офицер, посланный выяснить это, прискакал и доложил, что это конно-горная батарея из отряда полк. Дроздовского. Она по собственной инициативе, заняв позицию у Татарской слободки, открыла ураганный огонь по красным, не давая им возможности задержаться и привести себя в порядок. Теперь было ясно, - что подтверждали и полученные донесения, - что атака большевиков захлебнулась, и что бой за Новочеркасск нами выигран, и в этом огромную роль сыграли доблестные Дроздовцы, появившиеся в самый нужный и критический момент. И только далеко за полдень мне было доложено, что с севера в направлении Новочеркасска замечены отдельные конные дозоры, за которыми широким фронтом двигается как бы казачья лава. Посланная разведка установила, что это идут на выручку Новочеркасска части Степного Отряда. Но фактически бой был уже закончен.

Как непосредственный участник этого боя, я утверждаю, что Новочеркасск был спасен войсками "Южной Группы" под командой полк. Денисова, и что в грозный час этим войскам была оказана неоценимая, быть может - не столько материальная, сколько моральная поддержка частями из отряда доблестного полк. М.Г.Дроздовского. Только будущий историк, свободный от субъективных переживаний и впечатлений, руководясь не сердцем, а холодным рассудком, на основании документальных данных скажет свое последнее, правдивое слово и воздаст должное отряду полк. М.Г.Дроздовского, который в самую тяжелую минуту пришел донцам на помощь. Мы же - современники,- как живые свидетели храбрости, мужества и геройства славных Дроздовцев, проявленных ими на Дону, будучи им бесконечно благодарны, обязаны облегчить будущему Карамзину его трудную задачу, описав беспристрастно их подвиги вообще и особенно ярко - участие Дроздовцев в обороне столицы Дона - Новочеркасска.

Генерал М.ПОЛЯКОВ.

МЫ УХОДИЛИ...

Мы уходили.

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имена...

Мы начинаем поход в условиях необычных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди будущего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...

За синей птицей. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят "светоч", слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, - те, что пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все - в области духа и творческого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия - малая числом, оборванная, затравленная, окруженная - как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг - это ставка Корнилова.

Первый Кубанский поход - "Анабазис" Добровольческой армии - окончен. Армия выступила 9 февраля 1918 г. и вернулась 30 апреля, пробыв в походе 80 дней.

Прошла по основному маршруту 1050 верст.

Из 80 дней - 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами.

Начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека; вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла до полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз.

В память похода установлен знак: меч в терновом венце.

Издалека, из Румынии на помощь Добровольческой армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу. Два с половиной года длилась еще их борьба.

И тех немногих, кто уцелел в бою, судьба разметала по свету: Одни - в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие - за колючей проволокой лагерей-тюрем, вовлекшими недавними союзниками, третьи - голодные и бесприютные - в грязных ночлежках старого и нового света.

И все на чужбине, все "без Родины".

Когда над бедной нашей страной почиет мир, и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первым поднялся на защиту России от красной напасти.

Ген. ДЕНИКИН.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ.

(Памяти Маркова).

Глухая ночь. Плотной пеленой облекли облака далекое небо, не пропускал света луны. Резкий ветер срывает клубы пыли и мчит их далеко по степи.

Спит степь. И снится ей странный, невиданный сон.

По бесконечной степной дороге, извиваясь бесконечной лентой, спешат во мраке повозки, одна за другой.

Верста за верстой тянутся они без конца и счета с одной и той же поклажей. То не купец везет свой товар, не хуторянин спешит на ярмарку, не табор цыганский переходит на новые места. На этих повозках спит то, что осталось от некогда Великой Армии; той Армии, от имени которой бледнели враги и на которую полмира смотрело, как на защиту и опору чести, порядка и мира.

Здесь, на этих повозках, собралось все, что осталось от нее честного, верного, непреклонного. Все, что не признало позора Родины, власти насильников, отравы и соблазна предательских слов и награбленных денег.

Здесь и только здесь, на этих повозках еще осталась Россия - кочующая, не имеющая ни клочка территории, но независимая и сильная любовью к Отечеству и верой в его воскрешение.

Вчера был бой. Жестокий, беспощадный, до самой вечерней зари. Враг кругом. Еще до рассвета придется с ним биться в смертельном бою.

Но спят беззаботно герои. Не слыша ни стука колес, ни лая встревоженных собак оставшейся сбоку станицы, ни свиста далекого паровоза. Не слышно говора, не чиркнет спичка, не заметно никакого движения.

Встречая, как в ратном поле, друг в друге поддержку, склонились усталые воины и грезят во сне о том, чего давно не видали на яву; о том, что было еще недавно у всех, и что для многих из них уже никогда не вернется. Грезят о счастьи спокойной жизни, об уюте родного угла, о ласке семьи. Грезят о всем том, что добровольно принесли они в жертву самому дорогому - величию и счастью России.

Не спит лишь один. Впереди на маленьком крепком коне, в огромной белой папахе, с закинутым за плечи башлыком, поминутно зажигая нервным движением руки потухшую папиросу, едет таинственный всадник.

Зорко глядят в темноте его усталые очи. Он ясно видит лежащую перед ним дорогу. Он видит и знает, что встретит он на этом пути. Он видит и знает, куда приведет этот путь его боевых сотоварищей.

И когда на пути встречается опасность, когда отдыхающим воинам угрожает беда, он поднимает нагайку, и от взмаха ее расступается нечистая сила, гибнет враг, и снова стелется ровный путь по степи, и снова дремлют беззаботно оставшиеся в живых его верные воины.

И видит степь, как разрывается облачная пелена. В сиянии лунного света видит она чудесного всадника в терновом венце. Крупные капли крови падают с его чела. Белоснежные крылья простираются за его плечами над спящей степью и дремлющим воинством. Неземной красотой сияет его бледное лицо. Восторгом и радостью сияют чудные глаза. И молитвенно шепчут уста:

"Я верю: Россия снова будет единой, великой, могучей..."

Е. КОВАЛЕВСКИЙ.

ГАЛЛИПОЛИ (Пережитое).

(Отрывок из повести).

Солнечное утро 2-го ноября ст.стиля 1920 года. Третья годовщина того знаменательного дня, когда великий патриот, генерал Алексеев, поднял на юге России поверженное русское национальное знамя, приступив к формированию Добровольческой Армии...

Три года борьбы, надежд, ударов судьбы, физических и нравственных мучений и... вот она - третья годовщина!

Рейд Феодосии. Слабо проникают солнечные лучи в глубокие трюмы транспорта, едва освещая копошащиеся здесь, в несколько ярусов, массы людей. Офицеры, старые и молодые, солдаты, казаки, молодые люди - почти мальчики - юнкера, дамы, сохранившие еще в одежде некоторые признаки былой буржуазности, женщины, уже окончательно принявшие обличье "беженцев", дети всех возрастов - все это сжатое до пределов возможности, среди немногих чемоданов и ящиков - последних остатков собственности - подавленное, пораженное неожиданной для массы эвакуацией, в каком-то глубоком безразличии лежит и сидит на грязных настилах.

Вот гремят якорные цепи... заработал винт... С Родиной кончено!.. На лестнице, ведущей в трюмы, появляется фигура священника... "Дорогие братья и сестры! Предлагаю вам осенить себя в молчании крестным знамением. С Родиной прощаемся мы... Не скоро увидим ее, а многим и не суждено никогда увидеть... Судьба наша, жизнь наша только в руках Божиих. Помолимся же Владычице Пресвятой, да сохранит и спасет нас..."

Движутся руки, медленно творящие крестное знамение, низко в тишине склоняются головы... Жуткая тяжелая тишина!

Только винт работает, удаляя нас от брошенной Родины.

"Брошенной"? Так ли это? Мы Ее, горько любимую, бросили, или Она нас, вернейших сынов, все Ей отдавших, изгнала с родной земли? Нет, это не то! Только отчаяние и тяжкие переживания тех ужасных для духа дней могли толкнуть на такую мысль... Мы ее не бросили, нас изгнала не она, не наш родной народ! Народ наш не гнал нас.

Ряды наши все время пополнялись "пленными", которые безропотно отдавали в наших полках свои жизни за то благо Родины, за ту Правду народную, которая и им, и нам была одинаково близка и понятна. И теперь, на берегу, они молили не оставлять их, взять туда, куда идет та армия чести и правды, в которую они попали невольно... Ни одного выстрела, ни одной нотки вражды не видали мы от русских людей. Рабочие Севастополя трогательно провожали нас... Безмолвно, сосредоточенно, как на похоронах, смотрела в Ялте толпа на отваливающие суда, на которых оркестр играл Преображенский марш и "Коль славен". Редко кому, как нам, приходилось себя хоронить. Но хороня себя, мы уже верили в воскресение нашего дела. Мы верили, мы верим!

- о -

Два дня плывут русские люди по Черному Морю. Давно скрылись берега Крыма... кругом вода и небо. 150.000 граждан России уходят в неизвестный, далекий, чуждый им мир... Еще развеваются над нами родные Андреевские флаги, еще составляем мы часть Российского Государства!

Изящный крейсер-дредноут "Генерал Корнилов" обходит вереницы остановившихся судов. Развевается флаг Правителя и Главнокомандующего, играет музыка, блестят штыки почетных караулов, гремит ура...

Еще продолжается жизнь Свободной России, рождаются и умирают ее граждане: почти на каждом из судов зарегистрированы случаи смерти и случаи рождений.

На рассвете третьего дня 150 русских вымполов приближаются к Босфору. Примут или не примут нас наши союзники? Радио Правителя еще ночью сообщало, что ответ Антанты на нашу просьбу о приюте еще не получен.

Золотисто-багровый луч солнца прорезывает фиолетовую дымку морского рассвета. Палуба нашего транспорта "Дон" полна людей. Все они напряженно смотрят, как на главной мачте медленно подымается пока еще свернутый флаг... Минута ожидания... и из свернутого комочка медленно развертывается флаг Франции! Вздох облегчения, но и острая горечь... Плачет пожилой полковник... "Глядите на заднюю мачту!" Там тоже поднимается свернутый флаг... вот он развертывается...Андреевский!

Итак, мы под покровительством Франции, французского командования на Ближнем Востоке. Но мы все же не умираем, как русская вооруженная сила...

Россия свободы будет жить и за родным рубежом!

Б.Н.С.

("Перекличка",- ноябрь 1955 г.)

ИЗ ЖИЗНИ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ.

"Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной Родине, живите, дышите только мечтой о ее Величии, счастьи и славе."

Генерал Корнилов.

Калифорнийское Отделение входит в состав Северо-Американского Отдела О-ва, который вместе с другими Отделами различных государств Старого и Нового Света состоит в подчинении Главному Правлению в Париже. Главное Правление в свою очередь подчинено Начальнику О-ва Генерал-Майору Харжевскому.

Общество Галлиполийцев основано бывшими воинами Русской Армии, боровшимися на Юге России, и согласно приказа Главнокомандующего Генерала Врангеля датой его основания считается 24 ноября 1921 г.

Согласно Устава членами О-ва могут быть:

1. Все военные чины, а также гражданские лица, женщины и дети, эвакуированные с частями и прибывшие в Галлиполи, Лемнос, Чаталджу и Бизерту;

2. Все участники Белой Борьбы на всех российских фронтах;

3. Кроме этого, лица, разделяющие идеи О-ва, но не подходящие под вышеприведенные пункты, могут быть приняты в члены соревнователи, а по прошествии года могут быть зачислены действительными членами.

Целью О-ва, кроме объединения всех упомянутых лиц в духе Российской Армии и Борьбы за освобождение нашей Родины, кроме культурной и материальной помощи этим лицам, кроме разработки и собирания материалов, относящихся к Белой Борьбе, и проч., является еще и наш долг "продолжать священную борьбу против врагов России и всего человечества всеми доступными нам средствами, всегда и при всех обстоятельствах". (Ген. Витковский).

Эту борьбу Галлиполийцы всегда и продолжали, принимая участие в

различных русских антикоммунистических организациях, антибольшевицкой печати, в устройствах и выступлениях перед русской и иностранной публикой на "Днях Непримиримости" и т.д. Временами оружие мирного времени - пропаганда - переходило в оружие настоящей войны. Так, в 1922 году, галлиполийцы участвовали в ликвидации коммунистического восстания в Болгарии, приняли участие в гражданской войне в Испании, где показали ряд изумительных примеров героизма, необычайно поразивших испанцев, (за что, после окончания гражданской войны, во время парада в Мадриде, шедшая с русским флагом русская группа была предметом исключительных оваций испанцев, в дальнейшем все были прекрасно устроены, а в настоящее время многие служат на радио-станции, говорящей против коммунизма); наконец, в 1941 году в Югославии первыми добровольцами Русского Корпуса были галлиполийцы, массами вошедшие в его состав, и многие уже со своими сыновьями.

Это показывает, что даже тогда, когда останется несколько галлиполийцев, идея Галлиполи будет жить всегда, она будет сохранена в назидание новым поколениям, как пример того, что Родину можно сохранить и в изгнании, и верить в победу можно везде и всегда, даже при самых тяжелых условиях существования.

Рассеявшись по всему свету, белые воины организовали отделы, отделения и звенья О-ва; вторая великая война снова "рассеяла" галлиполийцев по свету, но опять они начали стихийно собираться.

Наше Калифорнийское отделение зародилось в Лос Анжелесе по инициативе 14 человек, собравшихся в первый раз 14 января 1951 года на частной квартире; 1 июля того же года было выбрано Правление Отделения, число членов дошло уже до 25 и потом стало все время увеличиваться.

Верное своей идее, наше Отделение 3 раза принимало участие в выбираемом местными организациями Комитете для устройства "Дней Непримиримости", на которых, помимо участия в организации, члены Отделения выступали в качестве докладчиков. Каждый год Отделение отмечает годовщину Белой Борьбы, причем в местных православных храмах совершается поминовение всех Вождей на всех Российских фронтах, после которого всегда устраивается Торжественное Собрание с соответствующими докладами.

Ежегодно Отделение совершает поминовение нашего Главнокомандующего Генерала Врангеля и почившего на своем посту борца за Россию Генерала Кутепова.

30-летие основания О-ва было особо торжественно отмечено с приглашением на банкет представителей воинских организаций, а также казачьих и власовских.

Отделение принимает участие в организованном Сан-Францисской газетой "Русская Жизнь" Комитете Вещания Правды - устройство публичных собраний для американцев с разъяснением сущности коммунизма и выступлениями приехавших из-за железного занавеса и сбор пожертвований на эту цель.

После организации Комитета Помощи Русским Военным Инвалидам за Рубежом Отделение два года подряд принимало участие в организации ежегодного Бала в пользу инвалидов, принимая на себя ответственные задачи. В предстоящем третьем Бале Отделение также уже приняло на себя ряд задач.

В свою пользу Отделением было устроено 2 больших бала, и 25 декабря этого года устраивается третий.

За все время Отделением устроен ряд закрытых и открытых "Чашек

Чая" и обедов с концертными программами и докладами.

Сделанные на Торжественных Собраниях и "Чашках Чая" доклады касались специально-военных тем, тем из Белого Движения и пребывания в Галлиполи, а также текущего момента.

Из этих докладов можно отметить:

1. Специально-военная тема - Полковник Сагайдачный: "Офицер", Мысли об организации Русской Армии.

2. Темы о Белом Движении и о Галлиполи - Подполковник Есипов: "Галлиполи", "Константинопольский поход", "Генерал Кутепов"; Ротмистр Ковалевский: "Белая Борьба после эвакуации из России"; Сотник Веригин: "Белое Движение и Добровольческая Армия".

3. По текущему моменту - Сотник Веригин: "Красная Китайская Армия", "Новая форма красной агрессии - ограниченная война".

Кроме этих докладов членов Отделения на одном из собраний ген. штаба Генерал Свищов сделал доклад "Генерал Врангель".

На предстоящем 27 ноября Торжественном Собрании будут сделаны доклады Генерального Штаба Полковником Сергеевским - галлиполийцем - "Памяти основателя Добровольческой Армии" и членом Отделения Ген. Штаба Капитаном Думбадзе "Внутренний фронт в Сибири".

Кроме этой, так сказать, идеологической деятельности, за прошедшие четыре года Калифорнийское Отделение разослало по различным направлениям следующие суммы:

1.	Передано Председателю Комитета помощи русским Военным Инвалидам за рубежом Генералу Свищову	Дол. 868.01
2.	Собрано по подписным листам в "Фонд Генерала Врангеля	304.35
3.	Послано "крестнику" Отделения и инвалидам-галлиполийцам в Европу	345.00
4.	Помощь инвалидам, заболевшим членам Отделения, безработным в Лос Анжелесе	198.75
5.	Оплата почтовых расходов по посылкам в Европу и посылки "Кэр".	167.16
6.	Процентные отчисления от поступающих членских взносов, переданные РОВС-у и главному Правлению. .	94.05
7.	В распоряжение Председателя О-ва	40.00
8.	В распоряжение Председателя Отдела РОВС-а в США. .	10.00
9.	Вдове Генерала Кутепова.	15.25
10.	Передано представителю Центрального Правления Зарубежного Союза русских военных инвалидов Генералу Выграну.	165.00
	Итого	Долларов 2207.57

Кроме этого, Отделением было выдано возвратных сумм в размере 135 долларов, выслано в Европу, главным образом, австрийскому Союзу русских военных инвалидов в Зальцбурге - 30 вещевых посылок.

Затем нужно отметить помощь Отделения в устройстве на работу, в приискании квартир, в выдаче поручительств об оплате приезжающим и т.д., и т.д.

Заканчивая этот отчет о посильной деятельности небольшого Отделения, Правление считает нужным привести слова из приказа Начальника РОВС-а Ген. Архангельского по случаю 30-летия Общества Галлиполийцев:

> "... убежден, что Галлиполийцы, несмотря на долгие годы изгнания, и впредь сохранят свойственные им бодрость духа, свое единство, жертвенную любовь к Родине и готовность к возобнов-

лению, ничего не ища для себя, священной борьбы за Ее освобождение и донесут до Родной Земли верность заветам наших Вождей для продолжения нашего служения России на родной земле и для передачи их следующему за нами поколению.

Вечная память усопшим, многая лета живущим."

Правление Калифорнийского Отделения.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОПАЛ В ГАЛЛИПОЛИ.

За 120 лет до нашего "галлиполийского сидения" знаменитый генералиссимус А.В.Суворов, не проигравший за всю свою жизнь ни одного сражения, - после блестящих побед над французами в Северной Италии, преданный австрийцами, которых он спасал, совершил со своими чудо-богатырями легендарный переход через Альпы.

Переход этот был очень труден. По непроходимой местности, по горным тропинкам, проложенным на краю головокружительных круч, чуть ли не со всех сторон окруженный неприятелем, - Суворов твердой рукой вел свою армию, деля с нею все невзгоды и опасности пути.

Были моменты, когда малодушные, теряя надежду на благополучное завершение похода, начинали говорить о необходимости сдачи неприятелю.

Но горячая любовь к Родине-России, преданность большинства армии своему вождю Суворову и сознание необходимости сохранить честь Русского имени - победили все, заглушили голоса малодушных, и армия блестяще завершила легендарный поход, равного которому не было в военной истории мира, а А.В.Суворов за этот подвиг был произведен в Генералиссимусы Российской Армии.

И вот сейчас, когда я начал писать эту мою статью, мне невольно вспомнился этот героический суворовский поход, и само собою напрашивается сравнение этого похода с нашим уходом с Родины и с пребыванием нашей Русской Армии, потомков русских "чудо-богатырей" - в Галлиполи.

Русская Армия, в ноябре 1920 года переброшенная из Крыма на этот пустынный полуостров, а также на Лемнос, в Бизерту и в Чаталджу, - оказалась тогда в исключительно тяжелом положении. Французское командование, взявшее на себя попечение об армии, вело в ней преступную пропаганду о неподчинении войск генералу Врангелю.

Вчерашние "союзники" - французы настаивали на распылении Армии и на переходе ее на беженское положение. Армия была голодной и буквально раздетой. Но, несмотря на все это, добровольцы, горячо любя свою Родину и спасая честь Русского имени, не поддались уговорам, остались верными Вождю и своему высшему командованию и этим сравнялись с суворовскими "чудо-богатырями".

Оставшийся кумиром своих войск главнокомандующий генерал П.Н. Врангель твердой рукой вывел Армию из - казалось - безвыходного положения, сумел разместить ее по разным дружественным странам, надеясь на то, что скоро наступит время, когда Русская Армия, пополненная подрастающей молодежью, снова возьмет в свои руки оружие и пойдет в новый поход, двинется освобождать от красных свою Родину.

Честь и слава вам, герои Галлиполийцы!

А теперь я хочу рассказать вам, почему я не попал в Галлиполи, хотя и стремился туда всей душой, не желая расставаться со своими соратниками.

Я прибыл в Екатеринодар и вступил в ряды Добровольческой Армии в октябре 1918-го года. Наше высшее командование встретило меня такими словами:

- Ну, слава Богу!.. Наконец-то появился хоть один геодезист!.. Ведь мы сидим без карт!.. Поэтому - сразу же принимайте меры для снабжения армии новыми картами... И завтра же представьте нам проэкт организации Топографической службы!

Сказано - сделано. Немедленно началась усиленная работа, и в Отделе Генерального Штаба Армии была организована Топографическая Часть. Штабам армий были приданы Топографические Отделения, а в штабы корпусов были командированы - по одному в каждый - обер-офицеры Корпуса Военных Топографов.

На эти армейские отделения и на корпусных обер-офицеров были возложены обязанности по производству рекогносцировок и по исправлению старых карт, так как в районе наших военных действий имелись только карты, которые были составлены 70-90 лет назад и в эпоху Белой Борьбы оказались очень устаревшими.

А тем временем в Армию один за другим прибывали с разных сторон новые и новые офицеры-топографы, а также и юнкера Военно-Топографического училища.

Кроме того, немедленно были созданы офицерские Военно-топографические курсы, которые выпустили 40 офицеров-топографов.

И к моменту перехода Военного Управления, а значит и Отдела Генерального Штаба Армии в Ростов на Дону, в 1919-м году, - топографическая служба была развернута очень широко, и наша Армия была снабжена новыми картами.

Когда Русской Армии пришлось уходить из Крыма, вместе с нею попали на константинопольский рейд около 150 офицеров-топографов, во главе которых находился я.

За время стоянки на рейде нам удалось собрать всех офицеров-топографов на один из кораблей. И там же - на рейде - нами было получено распоряжение Генерала Врангеля: "Всех топографов обер офицеров отправить в Галлиполи. Генералы же и штаб-офицеры будут отправлены в Славянские земли".

Прочитав это распоряжение, я немедленно подал Генералу Врангелю рапорт, в котором просил его не разделять нас, топографов, а отправить всех нас в одно и то же место - либо в Галлиполи, либо в Славянские страны. Я пояснил Главнокомандующему, что мы - топографы-специалисты - будем сильны и работоспособны только в том случае, если будем работать все вместе, причем старшие смогут быть руководителями работы, а исполнителями ее будут младшие.

Генерал Врангель очень внимательно отнесся к моему рапорту, согласился с моими доводами, и на следующий же день после подачи мною рапорта я получил от Главнокомандующего распоряжение: "Всем топографам - отправиться в Славянские страны"... Причем тут же генерал пожелал нам дальнейшего успеха в нашей работе и высказал уверенность, что своей работой мы поддержим честь Русского имени за границами Отечества.

И вскоре на русском пароходе "Владимир" мы были направлены в Югославию, где - к счастью моему - у меня было много друзей в военных кругах.

По прибытии на место большая часть офицеров-топографов - в общем около 80-ти человек - были приняты в начинавший там формироваться Военно-Географический Институт, а все остальные были устроены в КАДАСТР и другие учреждения, которые нуждались в топографах-специалистах.

Начальником Военно-Географического Института был полковник Бошкович, вскоре произведенный в генералы, а его помощником был полковник Терзич. Оба они окончили в свое время наше Геодезическое Отделение Академии Генерального Штаба, и я был с ними лично знаком еще во время пребывания их в России.

Благодаря генералу Бошковичу и полковнику Терзичу нам скоро удалось собрать в Югославию почти всех офицеров-топографов, по тем или иным причинам застрявших в других государствах.

Таким образом, после нашего прибытия в Югославию у нас сразу же явилась возможность сформировать Военно-Географический Институт, который был организован по образцу наших русских топографических учреждений. Роли начальствующих лиц, руководящих занятиями Института, были распределены между нашими старшими офицерами-топографами, причем личный состав Института в начале насчитывал до 90% русских.

Институт просуществовал около 20-ти лет, то есть до самого занятия Белграда германскими войсками, и все эти годы вел большую работу по созданию военно-топографических карт, в то же самое время подготовляя себе смену из югославских офицеров-топографов.

За указанное время офицерами-топографами были успешно выполнены следующие работы: были произведены триангуляции 1-го, 2-го и 3-го класса в границах Сербии, Черногории и Македонии, выполнены военно-топографические съемки во всей Югославии и составлены военно-топографические карты в разных масштабах для всей страны.

Карты были действительно отличные, и Югославия ими гордилась!

Наш защитник и друг всех русских - Его Величество Король-Рыцарь Александр Югославский - высоко ценил эту работу русских офицеров. Незадолго до своей смерти он командировал во Францию, Бельгию и другие европейские государства русского инженера С.Н.Смирнова, дав ши ему различные дипломатические поручения, одним из которых был наказ познакомиться с тем, как живет и как устроена в этих странах русская эмиграция, и потом информировать Его Величество.

Возвратясь из командировки, С.Н.Смирнов сделал Королю Александру подробный доклад и подчеркнул то, что русская эмиграция, благодаря заботам Его Величества, устроилась лучше всего в Югославии.

На это Король ответил:

- Русские не остаются у нас в долгу! Они со своей стороны приносят Югославии много пользы. И я ценю это. Вот недавно я произвел в следующий чин начальника Военно-Географического Института. Сделал я это потому, что по отзывам всех специалистов - не только наших, но и иностранных - наши прекрасные военно-топографические карты являются л у ч ш и м и в м и р е! А я прекрасно знаю, что сделаны они руками русских офицеров - геодезистов и топографов!

Отношение к нам - русским офицерам - в Институте было прекрасное. И начальник Института генерал Бошкович, и его помощник, к тому времени уже генерал Терзич - всегда были для нас не только начальниками, но и сделались нашими близкими друзьями.

Да и, вообще, все наши русские офицеры жили в тесной дружбе с офицерами югославскими.

Этот Институт прекратил свое существование в 1940-м году, после захвата Белграда германской армией.

Генерал-Профессор И.С.Свищов.

- - oOo - -

ГАЛЛИПОЛИ - ЛЕМНОС - ЧАТАЛДЖА - БИЗЕРТА.

Закрылась еще одна печальная страница русской истории - "Русская Армия" на юге России прекратила борьбу с большевиками...

7-го июня 1920 года Русская Армия, быстро оправившаяся после новороссийской катастрофы, вышла из Крыма; руководимая обожаемым Главнокомандующим Генералом Врангелем, состоя из испытанных бойцов, армия начала одерживать ряд блестящих побед; так, например, направлявшийся в наш глубокий тыл 8-тысячный конный корпус Жлобы искусным маневром, разработанным Главнокомандующим, был окружен нашими войсками и - перестал существовать.

Дальше и дальше на север пошли боевые полки, выказывая много хладнокровия, стойкости и героизма - противник нес колоссальные потери...

Однако, трехлетняя гражданская война сделалась уже борьбой регулярных армий и, кроме искусства и способности военачальников и беззаветной храбрости бойцов, требовала еще регулярного пополнения живой силой, правильного снабжения снаряжением и провиантом, технической помощи, неистощенного тыла и т.п.

Ничего этого у нас не было.

Обеспокоенные приближением Русской Армии к Донецкому бассейну, большевики поспешили заключить мир с разгромленной ими Польшей и перебросили в Северную Таврию освободившиеся там войска, а также подвозили свежие подкрепления из великого простора России, главным образом - конные массы, и, имея в десятки раз численное превосходство, окружили в Северной Таврии Русскую Армию.

Сохраняя высокую мораль и боеспособность, нанося огромные потери большевикам, Русская Армия прорвалась в Крым.

Армия задержалась на слабых Перекопских позициях и у замерзших Сивашей, где бои были исключительно ожесточенными, но для высшего командования исход борьбы уже был ясен: - "Неизбежность оставления Крыма не явилась для командования неожиданной, и подготовка к эвакуации велась заблаговременно, еще в период нахождения русских войск в Северной Таврии", - так гласило впоследствии сообщение Штаба.

Около полудня 10 ноября бои на фронте окончились - прикрываемая конницей армия начала отходить к портам, назначенным для погрузки.

11 ноября 1920 года была объявлена эвакуация.

Главнокомандующий Генерал Врангель на Крейсере "Корнилов" побывал во всех портах погрузки и проводил уходившие корабли.

В благоговейной тишине отходили перегруженные суда в Черное Море, на палубах стояли толпы людей с обнаженными головами...

На набережных также были массы народа, благословляли уезжающих, многие плакали.

В Севастополе, вечером, из города доносился благовест церквей.

Русская Армия оставила Родину.

Этот исход нельзя было назвать катастрофой - из Крыма уходила Армия, готовая еще сражаться со врагом, но большевики вводили все большие и большие свежие подкрепления; одна из их бесчисленных атак могла прорвать фронт, и тогда эвакуация не могла бы быть произведена. Главнокомандующий принял ответственное решение - отдал приказ, и войска, оторвавшись от противника, погрузились на суда, прекрасно поняв правильность решения, и с тем же доверием и любовью продолжали относиться к своему Главнокомандующему.

Войска погрузились с винтовками, пулеметами, патронами и гранатами.

Согласно сводке Штаба Главнокомандующего, из Крыма ушли все суда, которые могли держаться на воде (некоторые шли на буксире), всего 126 судов - военного и торгового флота и частновладельческие - имея на борту приблизительно 150.000 человек, из коих 100.000 воинских чинов - около 50.000 строевых частей, около 40.000 чинов тыловых учреждений, около 3.000 чинов военно-учебных заведений и около 6.000 раненых и больных; 50.000 приходилось приблизительно на гражданских лиц, в том числе свыше 20.000 женщин и около 7.000 детей.

Переход до Константинополя длился от одного до пяти дней. Этот переход и первые дни стоянки в Константинополе, пока не была налажена помощь и не началась разгрузка, были сплошным мучением. В трюмах темнота, на железных палубах холод - норд-ост и дождь; в общем, везде было страшно тесно, грязно, холодно и голодно, едва хватало воды для питья, все моментально покрылись насекомыми, так как спали вповалку. Чтобы перейти за чем-нибудь по кораблю, надо было затрачивать буквально часы для небольшого расстояния, к тому же наступая на людей. Строевые части грузились с похода, без всяких вещей, имея лишь только то, что было в укладке, в карманах, а некоторые, вообще, ничего не имели.

Корабли посещали многочисленные иностранные корреспонденты, писали они в несколько преувеличенном тоне, пораженные тяжелым положением людей. Один, например, писал: "Продержите пароходы еще неделю, и не понадобятся хлопоты о размещении беженцев: все они разместятся на Скутарийском кладбище".

Сразу же по прибытии возник вопрос об исполнении международных законов о разоружении, не всем было понятно, что только сохраняя оружие можно защитить себя от превращения в бесправных беженцев и от потери национального достоинства. По соглашению с французами - от офицеров оружие не отбиралось, а частям была оставлена одна двадцатая имевшегося вооружения - винтовки, пулеметы, патроны и проч. Многие прятали оружие и вывезли его в Галлиполи.

Все прибывшие из Крыма размещались во французской зоне оккупации и поступали под покровительство Франции, за что французское правительство брало в залог русский тоннаж - военный и торговый флот.

Первой задачей нашего командования было сохранение армии с порядком подчиненности и военной дисциплиной. Французское оккупационное военное командование не могло относиться к союзной русской армии без должного уважения, учитывая ее участие в мировой войне, море русской крови, пролитой за общее дело, и стойкость до конца в борьбе с большевиками.

Кроме того, сохранение дисциплинированной армии диктовалось еще и практическими соображениями - массы людей, объявленные беженцами, оскорбленные и вышедшие из повиновения, были бы очень опасны.

Приказом Главнокомандующего 1-ая армия (свыше 25.000 человек) сводилась в 1-й Корпус и под командой генерала-от-инфантерии Кутепова направлялась в Галлиполи. Вместе с Корпусом направлялись туда военные училища и семьи.

2-я армия была разделена: во главе Кубанской дивизии (около 15 тысяч человек) стал генерал Фостиков, и она направлялась на остров Лемнос, а Донская дивизия (около 15.000 чел.) во главе с генералом Абрамовым уходила в Чаталджу.

30 судов русского военного флота, с личным составом до 6.000 человек, в том числе и морской кадетский корпус, пошли в Бизерту.

Кроме этого, 32.000 беженцев были приняты различными государст-

вами: Югославией 22.000 человек, в том числе 3 кадетских корпуса, Болгарией 4.000 человек, Румынией 2.000 человек, Грецией 2.000 человек и т.д.

Часть раненых и больных была помещена в русских и иностранных госпиталях.

Оставшиеся в Константинополе беженцы были устроены в лагерях, открытых французами, а также и нашим командованием, на острове Халки и в других местах.

22 ноября 1920 года на Галлиполийский рейд прибыли пароходы "Херсон" и "Саратов" с первыми эшелонами 1-го Корпуса.

Город Галлиполи представлял печальное зрелище: в 1912 году он перенес большое землетрясение, во время балканской войны около него сосредоточилось около 200.000 турок, бежавших от болгар и сербов, во время Великой войны 1914-1918 гг. много христиан было выслано, а их дома разрушены и, наконец, проходивший около него фронт, после высадки англичан, привел его в жалкое состояние.

Сразу же по прибытии пароходов на берег сошел генерал Кутепов и, осмотрев город с начальником французского отряда, выяснил, что в городе в полуразрушенных зданиях можно разместить около одной трети Корпуса, а остальная часть должна стать лагерем за городом, километров за 7-9.

На другой день были получены палатки двух типов: большие, госпитальные, в виде бараков с целулоидными окнами, на 60 человек каждая, и небольшие "марабу". Немедленно началась их переноска на место, отведенное для лагеря. Тяжелые тюки полотнищ и деревянные части тащились по липкой грязи на собственных плечах. Было выдано немного лопат и кирок, почти не было топоров и пил - конница заменила их шашками.

Вскоре вся долина по обеим сторонам ручья покрылась рядом полотняных городков, так как каждый полк располагался отдельно.

После установки палаток начались работы по благоустройству лагеря, очень многого не хватало, и все приходилось создавать собственными руками из подручного материала. Разбивались передние линейки, полки конкурировали друг с другом - кому удастся лучше сделать клумбу для солнечных часов, выложить из цветных камней и черепицы огромный двуглавый орел, соорудить позатейливей навес для знамен, вычурней сплести из соломы грибы для дневальных и т.д.

Внутри палаток делались нары, койки из веток, плелись цыновки из тростника, часто ножки у кроватей заменяли камнями, ящики из-под консервов служили материалом для столов, посудой служили консервные банки и т.д.

Были устроены между палатками усыпанные песком дорожки, а между полками проведены дороги, и лагерь - как внутри, так и снаружи - приобрел приличный вид.

Что же касается города, то для размещения было использовано все, даже места, казалось бы, совершенно непригодные для жилья, например - дом без крыши с двумя уцелевшими стенами.

Для размещения семей были сделаны общежития в старых брошенных мечетях и домах, требовавших колоссального ремонта.

Поиски своего угла заставляли селиться между двумя стенками, достраивая остальные стены и крышу из подручного материала. Все подобные жилища имели дощечки с названиями: "Тоска по Родине", "Надежда", "Дача мечты" и т.п.

И вот мертвые разрушенные дома оживали, они не только наполнялись русским говором и песней, но и преображались внешне - голые

грязные стены белились известью, украшались видами далекой Родины, орнаментами и т.д.

Ноябрь и декабрь прошли в тяжелой работе по устройству и размещению, а с января начались везде занятия, чтобы из каждого офицера и солдата сделать дисциплинированного бойца, знакомого с новейшими приемами боя, на основании опыта последних войн.

Одновременно с обучением солдат шла подготовка командного состава армии в учебных командах, военных училищах, на офицерских занятиях, в различных специальных штаб- и обер-офицерских школах и курсах.

Необходимо было создать крепко спаянный единством духа русский корпус, надо было воодушевить всех чинов идеей стойкого служения Родине и необходимостью продолжения вооруженной борьбы с коммунизмом, оживить здоровый патриотизм. Надо было духовно оздоровить армию, зараженную нездоровым духом гражданской войны, и создать из чинов Корпуса надежный и вполне подготовленный кадр для будущей армии.

Формировать, учить и воспитывать приходилось среди голода, холода и нищеты, в атмосфере тяжелых нравственных и душевных переживаний, французской агитации, среди полной неопределенности положения корпуса и т.п.

И тем не менее работа велась энергично и планомерно и дала яркие и неоспоримые результаты.

Кто бы мог сказать, что грязная и оборванная голодная толпа, которая заполняла десятки пароходов на константинопольском рейде, может быть снова обращена в воинскую часть. В Галлиполи совершилось то, что называли "чудом Галлиполи" - там возродилась Русская Армия.

На одном из парадов в присутствии Главнокомандующего, французского оккупационного командования, греческих властей, представителей местного населения, многочисленных корреспондентов иностранных газет и т.д. - церемониальным маршем, в идеальном порядке проходили в сомкнутых колоннах полки за полками. Даже люди, прожившие все время с Корпусом, не ожидали такой внушительной картины.

Среди иностранных офицеров сквозь официальную сдержанность проглядывало с трудом скрываемое удовольствие при виде таких стройных частей.

Один из корреспондентов английских газет, сам бывший офицер, долго всматривался в проходившие ряды и в конце концов воскликнул: "Нам говорили - беженцы, но ведь это настоящая армия!"

Б.П.Е.

- - oOo - -

Смысл нашего нахождения за пределами Родины - оказание помощи ей в ее борьбе против коммунизма.

Для этого необходимо единение живых сил эмиграции. Партийные перегородки не должны служить для сего помехой. Наступит время в освобожденном Отечестве, когда партии смогут бороться за свои идеалы.

Сейчас же одна цель: борьба под лозунгом - "За Веру и Верность России".

Генерал Глазенап.

- - oOo - -

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.9
.R3
O38
1955